

Арина
Арская

ПОСЛЕ РАЗВОДА

мы стали чужими в 50

Арина Арская

После развода. Мы стали чужими в 50

<https://litres.ru/74294282>

Аннотация

— Господи, Лера, да сопли ты уже свои подбери! — раздраженно гаркает на меня Ярослав. Даже пол вибрирует от его приказа. Сердце сжимается. — У тебя другая женщина... — сипло отзываюсь я и закрываю лицо руками, забываясь в бессилии в угол дивана. — Да, любимая женщина, — четко проговаривает. — А я? — мои ладони соскальзывают с мокрого от слез лица. — А ты, — презрительно отрезает, — привычка, от которой пора отказаться. Я ищу загнанным взглядом поддержку у дочери, которая в ответ лишь пожимает плечами: — Вот теперь и ты знаешь, кем ты стала для отца за все эти годы.

Содержание

Глава 1. Ты мне надоела	5
Глава 2. Кто она?	10
Глава 3. Противно смотреть	15
Глава 4. Пришла в себя?	20
Глава 5. Так долго	25
Глава 6. Я развожусь	30
Глава 7. У него другая женщина	35
Глава 8. Я прослежу	41
Глава 9. Это такая забота	46
Глава 10. Что ты тут делаешь?	51
Глава 11. Не приснился	55
Глава 12. Прекрати себя жалеть	59
Глава 13. Тошнит	63
Глава 14. А если нет?	67
Глава 15. Любить, а не жалеть	71
Глава 16. Гадко	76
Глава 17. Поделишься планами?	80
Глава 18. Сама!	84
Глава 19. Жестокая реальность	88
Глава 20. Умная и хитрая стерва	93
Глава 21. Кто ты?	98
Глава 22. Помоги	103
Глава 23. Спасибо	108

Глава 24. Закончу тут	113
Глава 25. Бешеный	118
Глава 26. Разошлись	123
Глава 27. Придурь	128
Глава 28. Тебе не идет	132
Глава 29. Хищница	136
Глава 30. Дура	141
Глава 31. Отвлеки маму	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Глава 1. Ты мне надоела

— Мне все это надоело, — Ярослав неожиданно агрессивно отбрасывает от себя вилку. — Вся эта пустая болтовня... — запрокидывает голову к потолку и выдыхает. — Ты надоела.

Я замираю с открытым ртом. Рука вздрагивает, пальцы слабеют, и я роняю ложку и миску с зеленым салатом, который я заправила горчичным соусом.

Стук.

Ворох промасленных листьев руколы, шпината и базилика рассыпаются по белой скатерти, которая желтеет от оливкового масла и горчицы.

— Я что-то не то сказала? — тихо спрашиваю я.

Яр не в духе.

Возможно, сорвалась какая-то сделка или же переговоры с китайскими инвесторами вымотали. Китайцы — самые сложные партнеры. Хитрые, изворотливые и каждый раз норовят прогнуть или обмануть в договорах.

Я сразу поняла, что у Яра был тяжелый день, когда он только переступил порог дома.

Молчаливый он кинул на пол пиджак и со вздохом скрылся в гостиной, где на минут десять задержался у мини-бара.

Ни слова не проронил.

Только зубами поскрипывал и крепко стискивал стакан с

янтарной жидкостью до побелевших костяшек, мрачно разглядывая узор обоев.

— Яр, — я тяну руку к его ладони.

Он раздраженно отмахивается от меня и откидывается на спинку стула:

— Не лезь.

Обидно. До слез.

Но я сглатываю, и медленно выдыхаю. Мой муж — тяжелый человек, и, вероятно, я зря решила разрядить обстановку за столом милыми разговорами о новых соседях, которые с собой привезли маленькую собачку. Такую очаровательную крыску, которая яростно меня облаяла.

— Я хочу развод, — четко и тихо проговаривает Ярослав.

— Я тебя не люблю. Меня тошнит.

Затем он, отбросив мятую салфетку из тайского хлопка с бамбуковыми волокнами на стол, резко встает и шагает прочь.

Я медленно моргаю и перевожу растерянный взгляд на дрожащие руки, а после касаюсь щек.

Они — влажные от слез.

— Яр... — сипло шепчу я. — Что ты такое говоришь?

А после я оглядываюсь на пустой проем столовой. Я вскакиваю. Стул с громким стуком падает на паркет и я кидаюсь в гостиную за мужем:

— Ярослав! Что это значит?!

Я почти кричу. В моем голосе прорывается паника и ужас.

Какой развод в пятьдесят лет?!

— Ты все расслышала, — шагает размашисто мимо дивана. — Мы разводимся.

Я замираю под хрустальной люстрой, которая должна сейчас сорваться и разбить голову.

— Давай без истерик, — Ярослав зло оглядывается.

— Ты меня бросаешь? — хриплю я. — Сейчас?

Он не может. Меня трясет. Желудок схватывает острой болью, а после расходится слабостью по всему телу и бьет головокружением.

Меня ведет в сторону, и я ищу опору рукой в воздухе. Оседаю на журнальный столик, скинув с него журналы и блокнот для записей.

— Почему, Яр?

Ярослав медленно разворачивается ко мне. Высокий, огромный, широкоплечий и грозный. Его лицо с жесткими грубыми чертами лица и злыми черными глазами меня пугает до мелкой дрожи, что поднимается аж из кишков.

Вот каким его видели другие.

Страшным до икоты. Теперь я понимаю, почему подчиненные Ярослава в прошлом прозвали его «огром».

Огр и есть: крупная челюсть, которую я так часто гладила пальцами и целовала, чуть выдвинута вперед, взгляд — исподлобья.

Другие его боялись, чужие дети пугались до слез его угрюмого взгляда, а я его любила, но сейчас я вижу жестокого

огра: большой, злой и лишенный человеческого сердца.

Лишен любви, жалости и уважения ко мне.

— Мам! Это я! — доносится из глубины дома голос нашей дочки Василисы. — Приехала за рюкзаком Максима! Он забыл его сегодня! Только сейчас спохватился! Эти дети... — что-то бурчит неразборчивое и вновь кричит. — Я его заберу и убегая! Мне еще Кольку забирать с тренировки! — прорезается раздражение. — Ты меня слышишь? Ты, вообще, дома?

Яр не пугается того, что к нам внезапно заехала дочь. Нет в глазах паники или растерянности, и я понимаю, что насчет развода он не шутил.

Он серьезен.

— Мам, блин! Что за молчанка? Ты дома?

Нашей Васе тридцать лет. Яр помог старшенькой открыть несколько салонов красоты и помогает до сих пор. Где-то поможет с налоговыми проверками, где-то его «мальчишки» прикроют от конкурентов, где-то решает вопросы с расширением и новыми филиалами по городу.

Вероятно, в этом тандеме не все так просто, и папуля через маникюрчики, стрижечки и шугаринг отмывает деньги, но это лишь подозрения, которые у меня вспыхнули только сейчас.

Не зря же налоговики говорят, что сфера обслуживания — прикрытие для теневых схем серьезных дядечек.

А Ярослав — очень серьезный дядечка, с которым осто-

рожничают и хитрые китайцы.

— О, па, и ты дома? — в гостиную заглядывает Вася. — Я вам помешала скандалить?

Я всхлипываю. Щеки щиплет от слез, и я не могу отвести взгляда от Яра, который хмуро на грани приказа, который отдают непослушным собакам, говорит:

— Возьми себя в руки. Не будь жалкой, Лера.

Я жду, что Вася удивится. Я жду ее недоумение, вопросов и того, что она вступится за меня, но она лишь напряженно проходит в гостиную и скрещивает руки на груди. Хмурится.

— Папа хочет развод... — едва слышно говорю я и дрожащей ладонью вытираю слезы с щек, — он больше не любит меня...

Но, похоже, для Василисы это не новость. Она поджимает губы. Может, это шок?

— Лер, у меня другая женщина, — бьет наотмашь жестокими словами, — я больше не могу и не хочу терпеть тебя.

Глава 2. Кто она?

— Что?.. — я, не осознавая себя и своих движений, встаю с журнального столика. — Другая женщина...

Отступаю в сторону под новой волной паники и путаюсь в своих ногах. Жалко ойкаю и бухаюсь на диван с широко-раскрытыми глазами.

Мы с Яром со школы вместе.

С девятого класса.

С того самого, когда он отогнал от меня трех пьяных придуриков, когда я возвращалась вечером с фортепиано.

Ну, как отогнал. Кому-то нос сбил в сторону, кому-то чуть глаз не выбил, а третьему сломал ногу под мигающим фонарем.

Я до сих пор помню его темную фигуру и как от него отползает стонущая и мычащая пьянь, у которой были на одну мою отвратительные планы.

— Теперь одна не будешь ходить, — Яр тогда грубо взял меня под руку и потащил за собой.

Он и тогда был выше сверстников. Крупнее. Молодой огр среди худых, угловатых подростков.

Его все боялись, а я, открыв рот, смотрела на него. Большой, сильный и не боится пьяных мужиков.

Готов выйти против толпы, и в его ладони моя ладонь была маленькой, будто игрушечной.

Был моим, а теперь... теперь другая в его мыслях, а я... я надоела, и от меня тошнит.

— Ты лжешь, — дрожащим голосом говорю я. — Нет у тебя другой... Ты не мог... Ты обещал любить только меня... Только меня.

Я была его куколкой. Его ангелочком. Его малышкой.

Такая любовь не проходит. Не исчезает. Не испаряется. Огры влюбляются раз и навсегда.

Так говорят сказки. Неужели лгут?

Мои плечи сильно дергаются в отчаянном всхлипе, и прикрываю пальцами губы, которые в отчаянии кривятся.

Я закричу.

В мою грудь будто вогнали несколько холодных стальных прутков. С трудом могу выдохнуть.

Я умираю.

Удары сердца отдаются в висках пульсацией боли, а желудок разъедает кислота и поднимается к глотке.

Я где-то на грани реальности и кошмаров. Меня покачивает в сторону, и я издаю низкий клетот женской скорби над жизнью и наивностью.

— Господи, Лера, да сопли ты уже свои подбери! — раздраженно гаркает на меня Ярослав.

Даже пол вибрирует от его приказа. Сердце сжимается.

— У тебя другая женщина... — сипло отзываюсь я и закрываю лицо руками, забиваясь в бессилии в угол дивана.

— Да, любимая женщина, — четко проговаривает.

— А я? — мои ладони соскальзывают с мокрого от слез лица.

— А ты, — презрительно отрезает, — привычка, от которой пора отказаться.

Я ищу загнанным взглядом поддержку у дочери, которая в ответ лишь пожимает плечами:

— Вот теперь и ты знаешь, кем ты стала для отца за все эти годы.

— Что?

Моя дочь не удивлена заявлением отца, который выходит из гостиной и недовольно кидает:

— Успокой свою мать. Сейчас она не готова к разговору. Будет истерить и нервы мотать.

— Кто она?! — взвизгиваю я.

Да какая разница кто.

Наверное, он, как и другие мужики в его возрасте, повелся на молодость и свежесть.

Сколько историй о таких, как я? Многие мужья без сожалений уходят от пятидесятилетних жен, и каждый говорит, что любовь умерла.

Уходят, вновь женятся и живут счастливо, пока их жены остаются в климаксе и одиночестве, ведь спрос на теток, которые могут вернуть упругость сиськам лишь через импланты, низкий.

Как же это несправедливо.

Наши с Ярославом полтинники на разных полюсах.

— Яр! — я поднимаюсь на нетвердые ноги и делаю несколько шагов вперед, как живой мертвец. — Кто она?!

— Мам, — Вася преграждает мне дорогу, пытается вернуть обратно на диван, — тише, мам. Тебе, правда, надо успокоиться.

Я отталкиваю ее с криками, бросаюсь к дверям гостиной, но колени подкашиваются, и я со всхлипами оседаю на плотный ковер.

Выходит, что в последнее время он возвращался в плохом настроении не из-за сложностей в бизнесе, а из-за меня?

Он просто не хотел возвращаться ко мне.

Не хотел видеть меня.

Слышать мой голос.

Терпеть мое общество рядом.

— Мам, прекрати, — Вася поднимает меня ноги и отводит к дивану, — чего ты хочешь добиться от отца слезами?

Она аккуратно приглаживает мои волосы, и ее движения я ощущаю, как удары по голове.

Когда ее ладонь касается макушки, то я вздрагиваю.

— Сейчас с отцом тебе надо вести спокойно и сдержанно. Неужели ты этого не понимаешь?

В замешательстве вглядываюсь в глаза Васи. Они у нее от отца: такие же темно-карие, почти черные, а над ними — густые брови, которые каждые две недели она корректирует у мастера.

— Ты знала?

— Мам, не включай дурочку хотя бы передо мной, — она сердито усмехается, — хочешь сказать, что ты сама ничего не подозревала? Правда?

— Не трогай меня, — яростно отмахиваюсь от ее рук и вскакиваю на ноги.

Меня опять пошатывает.

— Знаешь, мама, ты ведешь себя сейчас как подросток, — Вася цыкает. — В пятьдесят лет можно быть уже более трезвой и адекватной? Или ты все никак не хочешь взрослеть?

— Почему ты так со мной разговариваешь?

— Пытаюсь привести тебя в чувство! — повышает голос и резко поднимается на ноги. — Не понимаешь, что ли? Ты только хуже делаешь! Чего ты ждешь от отца сейчас? Он хочет развод, и мужики в такие моменты не будут терпеть все эти сопли-слезы!

— Ты на его стороне... — отступаю в шоке от дочери. — Ты все знала...

С раздраженным вздохом пропускает волосы сквозь пальцы и поднимает взгляд к потолку, намекая, что я утомила ее своей жалкой тупостью.

— Да, — она вновь пристально смотрит на меня. — Узнала около двух недель назад. Она ко всему прочему еще и залетела. В сорок шесть лет. Прикинь?

Глава 3. Противно смотреть

— Беременна? — повторяю, будто замороженная злым духом. — В сорок шесть? Ей сорок шесть лет?

Я потрясена.

Так Ярослав купился не на молодость и не глупость и наивность юной дурочки, которая ищет в возрастных партнерах папочку?

То есть это не мужицкие комплексы пятидесяти лет в нем заговорили?

А все же чувства?

— Нет, — качаю головой и пячусь, — я тебе не верю...

То, что мужиков в какой-то момент тянет к молодым и задорным, можно понять. Мы все боимся старости.

Все страшимся тех изменений, которые претерпевают наши тела, и для психики тяжело принять, что ты уже не молодой бычок. Поэтому-то их и тянет к молодым. Они доказывают себе и другим, что они еще ого-го!

Но это не случай Ярослава.

Его любовница всего на четыре года младше. Это не мужицкая блажь испуганного эго. Это отношения другого уровня, и зацепили Ярослава не сочными губами и гладкой свежей кожей, а чем-то более глубокими и проникновенным.

Это не тупая случка.

Это... чувства. Запретные, скрытые, подлые по отноше-

нию ко мне, но все же чувства и тот интерес, который рождается к личности, а не к круглой молодой заднице.

— Почему ты мне сразу не сказала?

Хотя что бы это изменило?

Мне было бы легче? Нет, но хотя бы тогда дочка была бы на моей стороне. Была бы моей соратницей, а она все знала эти две недели, приводила сыновей и не стыдилась смотреть в глаза.

— Это ваши отношения, мам, — Вася кривится, — и я решила в них не лезть. Окей? Я бы стала, как обычно, крайней.

— За что ты так со мной?

— Как? Как, мам? — Вася разводит руки в стороны. — И как бы я тебе это все сказала? Это папа должен был все тебе разъяснить, и он это сделал. Теперь ты будешь либо истеричкой, которая загонит себя в психушку, либо адекватной женщиной, которая понимает, что сама наналажала в своем браке! — переходит почти на крик. — Давай, продолжай ныть и заливать все тут слезами! Бедная несчастная!

— Я виновата?

Это какой-то сюр.

Я виновата в том, что мой муж пошел налево и что внезапно разлюбил меня спустя целую жизнь? Да чем же я заслужила моральные пинки от родной дочери?

— Это не молодуха, мам, — Вася смеется, — не шмара, которая цепляет папиков наивными глазками и тупостью,

ага? Это взрослая женщина. Почти твоя ровесница. Разве нет повода для размышлений, а?

— Не смей меня обвинять!

В женской злобе я хватаю с пола журнал, с которым кидаюсь на удивленную дочь, но когда я замахиwaюсь, то все же останавливаюсь.

— Ты обалдела, мам?

Журнал выскальзывает из моих пальцев, и я с рыданиями отворачиваюсь от дочери, которую чуть не ударила.

— Мама, — недовольно тянет Василиса и силой усаживает меня на диван.

Отправляется на кухню и возвращается со стаканом воды, которые нетерпеливо протягивает мне:

— Выпей воды.

— За что вы так со мной.

— Ну, правда, подбери уже сопли! — повышает голос и отставляет стакан воды на столик. — Не будь такой жалкой! Не ты первая разводишься! Если допустила все это, то хотя бы выйди из брака не сопливой тряпкой!

Затем она лезет в карман короткого жакета за телефоном и торопливо что-то в нем печатает, сердито покусывая губы.

— Кому ты пишешь? — поднимаю загнанный взгляд.

Ничего хорошего уже не жду.

— Я тебе отправила контакты психолога, — прячет телефон в карман и строго смотрит на меня. — Я понимаю, что ты у нас очень чувствительная тетенька, но в разводах, как и

в бизнесе, не терпят жертв, и папа сопливых слабаков и слабачек не уважает. Ты теперь не в категории любимой жены, мам.

Дышу тяжело, прерывисто.

Дочка говорит жестокие, но правдивые слова.

Она не жалеет меня, но какой мне толк будет от жалости?

Однако сейчас мой разум помутнен.

Разве мы требуем от человека трезвости и адекватности, когда умирает любимый и близкий человек? Ярослав для меня умер.

Моего мужа больше нет. Нет моего неуклюжего огра, который при скандалах легко запрокидывал меня на плечо и утаскивал в спальню, чтобы срочно помириться со мной.

Давно он этого не делал, и после скандалов в последнее время не торопился мириться даже на словах.

Не видел смысла, ведь он больше не любил меня, и мои негодования его не трогали и тревожили.

Я стала для него истеричкой, чьи возмущения, если они вспыхнули, перетерпеть. Сама успокоится, если проигнорировать, крепко сцепив зубы.

— Как же я без него... — мое тело бьет, как в лихорадке, а на лбу проступает холодная испарина страха перед будущим, в котором я стану одинокой и неприкаянной женщиной.

Ярослав — вся моя жизнь. Часть моей души. Мой суровый великан-защитник и грозная стена, за которой я пряталась от жестокого мира.

Я чувствую себя маленькой брошенной девочкой, пусть мне и пятьдесят лет. Меня все эти годы оберегали, баловали, носили на руках, а сейчас просто вышвырнули за борт в ледяные воды.

— Яр! — я хочу вновь броситься за мужем, но Василиса дергает меня за руку, разворачивает к себе и одаривает резкой молниеносной пощечиной.

Я испуганно замираю, прижав ладонь к щеке, и Василиса подается в мою сторону:

— Хватит унижений, мама. Он дал ясно тебе понять, что он не хочет слышать от тебя криков и слез.

— Ты меня ударила...

— Привела в чувство, — с угрозой прищуривается. — Если ты к нему и поднимешься в кабинет, то не в соплях. На такую тебя противно смотреть.

Глава 4. Пришла в себя?

— Все, мам, мне пора, — говорит Вася и закидывает зеленый рюкзак на плечо.

— Ты так и не сказала, кто она.

— Пусть папа тебе все рассказывает, — Вася закатывает глаза, разворачивается и торопливо шагает к дверям гостиной. — Я заехала только забрать рюкзак.

Оглядывается, когда я ее тихо прошу:

— Не уезжай.

Пусть она и груба со мной в выражениях, но она мой голос разума. Жестокий, но холодно сдерживает истерику, в которой я могу лишиться рассудка.

— Мам, мне за Колей надо заехать и забрать его с тренировки, — хмурится, — у меня своя семья есть, мам, если что, а ты уже девочка взрослая. Очень давно взрослая.

— Я тогда с тобой поеду! — решительно встаю.

Я потеряла всю свою зрелость и взрослость.

Конечно, я понимаю, что мне сейчас не стоит хвататься за юбку дочери, но я себя мало контролирую.

— Все, мам, я ушла, — Вася качает головой и оставляет меня. — Ее напряженный голос летит из холла на второй этаж к отцу. — Все, пап, я уехала! Надеюсь, ты не забыл, что ты на следующих выходных обещал Максиму и Коле отвезти их порыбачить!

Какая, блин, рыбалка после такой новости? Чувствую себя дурой, которая ничего не понимает в этой жизни.

Муж требует развод?

Наплюй! Ничего страшного не произошло и никто не отменит рыбалку для внуков. Жизнь идет своим чередом.

— Я помню, — слышу глухой ответ Яра, — будет им рыбалка. Я планы не поменял.

— Вот как раз с ними и переговоришь... — Вася выдерживает паузу, — объяснишь все это, пап. Ты же согласен, не мне им объяснять, что ба и деда решили развестись.

— Согласен. Я все им объясню.

У меня мурашки бегут по плечам, и я пытаюсь стереть их с кожи и успокоиться. Хочу сбежать.

— Маму успокоила?

Закусываю внутреннюю сторону щеки до боли.

Вася права. Слезами сейчас Яра не проймешь, и я его прездирительной жалости не хочу.

— Относительно успокоила, — устало отвечает Вася. — Вы все-таки втянули меня в свои разборки. Две недели назад ты сказал мне не лезть не в свое дело, а сегодня я на передовой.

— Лучше ты ее успокоишь, чем я, — угрюмо заявляет Яр. — Я бы мог серьезно вспылить, Васюш. Это хорошо, что ты заехала, а то... — угрожающе посмеивается, — мы бы стали участниками криминальной хроники в новостях.

Волосы по всему телу приподнимаются. Вот так шутит

мой муж. Его шутки всегда вызывали в окружающих недоумение, испуг и напряженный сиплый смех.

— Несмешно, пап.

— Иди, — милостиво отвечает Яр. — Я немного успокоился. Подышал на балконе.

Василиса что-то тихо говорит ему, но я не могу разобрать ее слов, потому что на меня опять накатывает ревность, обида и жалость к себе.

Вцепившись в волосы, кружу вокруг дивана.

Может, довести Ярослава до бешенства, и пусть он прикончит меня в пылу ярости? Для меня лучше лежать красивой в гробу, чем быть нелюбимой и надоедливой мегерой.

Останавливаюсь, когда слышу, как щелкает замок входной двери. Василиса ушла. Бросила наедине с Ярославом, чьи твердые шаги я различаю в гнетущей тишине.

Когда он заходит в гостиную, я не поворачиваюсь к нему и блекло смотрю перед собой. Чувствую его пристальный взгляд на моем затылке.

— Уже не рыдаешь, — хмыкает, — уже хорошо. Я дам тебе минут сорок, чтобы ты привела себя в порядок, и мы поговорим.

Я не шевелюсь.

Почему тогда в девятом классе я не испугалась того, как мой одноклассник-переросток раскидал похотливых пьянчужек? И не просто раскидал, а нанес серьезные травмы каждому из них?

И почему меня совсем не напрягало то, что другие сторонились Ярослава и опускали взгляд, когда он появлялся в школьном коридоре?

Сколько лет прошло, и Ярослав их взял и обесценил за один вечер.

Раз, и я ему оказалась больше не нужна, а ведь какие слова мне шептал на нашей свадьбе!

Какие клятвы давал!

— Ты мне обещал, что никогда не обидишь меня, — тихо заявляю я и опускаю руки безвольными вялыми канатами вдоль тела. — Обещал...

Резко разворачиваюсь к Ярославу и кричу:

— Обещал! Черт тебя дери! Обещал!

— Если ты сейчас же не успокоишься, то тебе придется принять холодный душ, Лера, — в упор смотрит, — ты меня своими криками только провоцируешь.

— Все, что ты говорил мне, было ложью!

Меня захлестывает обида новой мощной волной, и я кидаюсь на Ярослава с кулаками, и я встречаю уверенный и равнодушный отпор.

Он с тяжелым вздохом перекидывает меня через свое могучее плечо и неторопливо выходит из гостиной.

В своих визгах и ярости я выпадаю из реальности в черную бездну безумия, из которой я вынырываю под струями ледяной воды. Я захлебываюсь, пытаюсь отмахнуться от направленной на меня душевой лейки, отфыркиваюсь и слы-

шу:

— Будешь так орать, то, честное слово, вызову санитаров с волшебным укольчиком.

Холодные струи бьют в лицо, и я вжимаюсь в кафельную стену, прикрыв руками голову.

— Пришла в себя? — выключает воду.

Боже, как это унизительно.

Сначала тебе целуют кончики пальцев, а потом поливают холодной водой с приказами закрыть рот и успокоиться.

Швыряет в меня полотенце, которым я в жалком подчинении накрываю голову. Трясусь.

— Надень красивое платье, — строго и безапелляционно командует Ярослав, — туфли, уложи аккуратно волосы... Если ты сама себя не уважаешь, то как мне в тебе увидеть достойную женщину, м?

Глава 5. Так долго

Яр прищуривается, оценивая мое состояние. Мне потребовалось около двух часов, чтобы я смогла одеться, причесться и хоть немного взять себя в руки. Глаза еще щиплет, а глотку распирает изнутри ком слез, но я больше не кричу.

Сию в глубоком кресле перед столом, за которым меня пристальным взглядом сканирует Яр, и дышу медленно через нос.

Периодически задерживаю вдох или выдох, когда слезы норовят сорваться с ресниц. Не моргаю, дожидаясь, когда они подсохнут, и вновь дышу.

Тихо и судорожно.

Стискиваю подол платья до болезненного напряжения в суставах и слабо улыбаюсь, немного вскинув подбородок:

— Доволен?

Я выполнила все требования.

Пришла на разговор к Ярославу усмиренная и аккуратная. Никаких уродливых потеков туши под глазами, растрепанных волос, визгов ненависти.

— Я надела твое любимое платье, — усмехаюсь уголками губ.

Бордовое, тесное и с глубоким декольте. Я его купила три года назад на двадцать седьмую годовщину свадьбы.

Яр был в восторге, и в медленном интимном танце в по-

лумраке гостиней он заявил, что это платье будет его любимым.

Яр кивает:

— Сейчас ты выглядишь хорошо.

Ресницы вздрагивают.

Как он может быть таким жестоким со мной? Я же всегда была его малышкой, его солнышком, его котенком, а сейчас в нем нет ни капли жалости.

— Я не хочу, чтобы ты разводила истерики и слезы, — Яр так тяжело и устало вздыхает, будто всю ночь разгружал вагоны, — они лишь раздражают.

— Я поняла тебя, Ярослав, — опускаю взгляд и переплетаю пальцы в напряженный замок.

Буравлю взглядом цветочный узор ковра и недоумеваю. Ни одна женщина в моем возрасте не будет готова к известию, что ее разлюбили и что ее заменили другой.

Вот так просто.

Будто и не было тридцати лет брака в любви, заботе и уюте.

— Кто она, Яр? — едва слышно спрашиваю я. — Я ее знаю?

— Да, — равнодушно отвечает.

У меня сердце замедляется и будто останавливается. Мозг судорожно перебирает всех знакомых женщин в возрасте сорока шести лет.

Кто посмел украсть у меня моего мужа? Кто?!

Мыслями рыскаю среди родственников, знакомы и подчиненный Ярослава, и в голове всплывает образ финансового директора — Эллы Гусевой.

Красивая статная брюнетка и очень толковая финансистка, которая работает с Ярославом уже лет десять.

Ей удалось навести четкий порядок, разрешить многие проблемы, что были выявлены после увольнения предыдущего финансового директора. Строгая, въедливая с холодными мозгами.

Два года назад погиб ее муж в автокатастрофе. Его хоронили в закрытом гробу, потому что из машины вытащили не целого человека, а кровавые куски. Есть сын. Двадцать восемь лет, работает в Китае в одной из самых крупных логистических компаний, название которой я не выговорю ни трезвой, ни пьяной.

Может, я ошибаюсь?

Однако я вспоминаю тот ее взгляд, который я поймала на Новогоднем Корпоративе, когда Яр наклонился ко мне и поправил лямку платья на плече.

Острый, напряженный и темный. Когда она поняла, что я на нее недоуменно смотрю, она мило улыбнулась и подняла в приветствии бокал, а после торопливо осушила его и уехала.

Меня не должно было быть на этом корпоративе. Я напросилась, потому что не хотела куковать вечером одна: мои планы встретиться со школьными подругами внезапно провалились в самый последний момент. Машке внука больного

в температуре притащили, а у Катьки мигрень нарисовалась.

Вот я и решила, что пойду с Яром на корпоратив, но ведь он не был против. Или солгал мне, когда сказал, что будет рад моей компании.

Да, это было сказано натянуто, и я по интонациям должна была понять, что никто не желает быть со мной на новогоднем корпоративе, но я проигнорировала напряжение Ярослава.

Дура.

— Это Элла? — спрашиваю я, не спуская взгляда с узора ковра. — Ведь так?

— Так, — Яр не отпирается.

Я медленно выдыхаю и прижимаю пальцы к губам, сдерживая громкий всхлип. Я всегда так восхищалась этой сильной женщиной, ее умом, смекалкой, внимательностью и работоспособностью. Она могла ночами сидеть над отчетами, и под ее началом в финансовый отдел пришла дисциплина, порядок и высокие результаты.

Да и сам Ярослав не раз говорил с большим уважением, что Элла — умная баба.

Только это было не уважение, а восхищение, которое отвратило его от меня. От тихой домохозяйки, которая никогда не дружила с цифрами и деньгами.

— Я должна была тогда понять, — сипло и сдавленно шепчу я, — она так на нас тогда смотрела... когда ты, — поднимая взгляд на отстраненного Ярослава, — когда ты попра-

вил лямку моего платья. Вы уже тогда... тогда были вместе?

— Тогда еще нет, — Яр не отводит взгляда, — но... нас уже тянуло друг к другу.

— А когда...

— Разве это имеет значение?

— Имеет.

— В феврале. Все началось в феврале.

Четыре месяца. Закусываю губы и медленно выдыхаю:

— Так долго...

— Не буду спорить, — вздыхает Ярослав. — И для меня это было долго. Долго и мучительно. Не стоило так тянуть, — хмыкает. — В итоге мы все равно разводимся. Я же уже и в феврале не хотел возвращаться домой, к тебе. Видеть тебя, слышать тебя.

Меня опять начинает трясти, и глухо отвечаю:

— Давай уже обговорим наш развод. Я услышала достаточно.

— Рад, что ты понимаешь... — постукивает пальцами по дубовой столешнице, — что это конец.

Глава 6. Я развожусь

— Мне ничего от тебя не надо, — я отворачиваюсь от Ярослава и закусываю губы.

— Ты ни дня не работала, Лер, — голос Яра опять начинает вибрировать раздражением.

Моя гордыня его не восхищает. Я выгляжу в его глазах глупой. Он пытается со мной обсудить вопросы моего будущего существования после развода, а я бравирую наивными заявлениями:

— Я справлюсь без тебя! Мне ничего не нужно!

— Давай обойдемся без этих детских угроз, Лер.

Впервые мне стыдно за то, что я была домохозяйкой, которая готовила вкусные ужины, рисовала этюды на веранде и наслаждалась материнством с замужеством.

Я действительно была той милой очаровательной женой, которая кайфовала от замужества за сильным, большим и суровым самцом: он зарабатывает деньги, а я создаю уют.

Боженька создал меня для того, чтобы я была женой.

Кто-то живет для карьеры, для самореализации, а я — жена, мать и бабушка. Вот кто я. Тридцать лет я эта мой брак и семья приносили мне радость и удовольствие, но сейчас Яр серьезно говорит о разводе.

Яр уходит от идеальной домохозяйки и хорошей жены к сильной карьеристке со стальными нервами и пронизываю-

щим до костей взгляда.

Мы — противоположности.

— Дом будет продан, — заявляет Ярослав. — На вырученные деньги для тебя будет куплена другая недвижимость.

Он лишает меня моего гнезда. Моих родных стен, для которых я выбирала обои и цвет краски.

— Так нельзя, Яр, — шепчу я. — Оставь мне этот дом

— Это был наш дом, — строго поясняет он, — мы оставим прошлое в прошлом, Лера. Ты не будешь жить среди призраков. Я знаю, сама ты не в состоянии изменить свою жизнь. Вот такая ты. Тепличная женщина.

Закусываю губы и закрываю глаза.

Разве плохо быть домашней женщиной, которая умеет готовить, шить и которая вовлечена в семейные заботы с головой?

Как же так?

Неужели мягкая и нежная хранительница очага проиграла решительной смелой карьеристке, которая, вероятно, даже яичницу не в состоянии приготовить?

— Я справлюсь! — громко обещаю Яру и в ярости вглядываюсь в его глаза. — Это вы считаете меня бесполезной клушей... а я...

— Что ты, Лера? — Яр вскидывает бровь. — Будешь пирожки печь на рынке? Или пойдешь домработницей к соседям? Ты, конечно, справишься с пирожками, борщами и тряпками, но позорить ты меня не будешь.

Меня начинает потряхивать, ведь я понимаю, к чему он ведет.

— Я несу за тебя ответственность, да, — он медленно кивает. — Я потакал твоей слабости...

— Мне ничего от тебя не нужно... — шепотом повторяю я. — Просто оставь меня в покое...

— Довольно! — гаркает он и бьет кулаком по столу. — Будет развод, и дурить в разводе я тебе не позволю! Если бы ты могла, то ты бы уже нашла себя!

— Я нашла себя в семье! — взвизгиваю я. — В браке!

— Теперь нашего брака нет, Лера! — встает. — И я организую тебе ту жизнь, в которой ты дальше будешь на кухне возиться, рисовать, пить чай и сериалы свои смотреть! И да, с моей стороны будет контроль, а то ты устроишь цирк с конями и нытьем!

— Я смогу без тебя! — я тоже вскакиваю на ноги, и из глаз брызжут предательские слезы. — Без твоих денег! Ничего мне от вас не надо!

Я не знаю, чего сейчас добиваюсь от Ярослава. Может быть, я хочу, чтобы он воспринял меня всерьез и увидел во мне не только домохозяйку, но и женщину, которая хоть чего-то стоит.

— Будет спокойный развод и твоя спокойная жизнь, Лера, без пересудов, что ты, бедная несчастная, осталась ни с чем и теперь вынуждена мыть полы в Пятерочке, — цедит сквозь зубы. — Хочешь показать, какая ты самостоятельная,

то делай этого без лишних публичных унижений.

Я понимаю, о чем он сейчас говорит. В своем желании показать всему миру, какая я сильная и независимая, мне без денег Ярослава и его поддержки придется отталкиваться от самого дна.

А реально ли в пятьдесят лет домохозяйке доказать кому-то, что она в этой жизни не только жена, мама и бабушка?

Может, мне заткнуться, сесть и принять все условия разъяренного Ярослава, который готов обеспечить мне спокойную и тихую жизнь без сюрпризов и борьбы?

Мне надо успокоиться.

Да, во мне сейчас кипит обида, злость и ревность, но у меня сейчас нет никаких сил и возможностей бороться против Яра, который решил организовать мне «тихую и приличную» жизнь после развода, ведь сама я точно опозорюсь и перед родственниками, и перед общими знакомыми.

Медленно сажусь под пристальным взглядом Ярослава и вытираю слезы с щек уголком платка.

Ярослав тоже возвращается в кресло и откидывается в прежнюю напряженную позу. Глаза горят. Медленно выдыхает.

— Значит, мне не надо дергаться, — стараюсь говорить холодно и отрешено, но голос все равно вздрагивает, — и развод — твоя забота?

— Именно. И если ты захочешь в свою жизнь привнести работу, то никто против не будет, Лера. Либо я, либо дети

помогут пристроить тебя в тепленькое местечко.

— То есть вы будете решать, как мне жить даже после развода? — с горькой усмешкой уточняю я.

— Не решать, как жить, а заботиться, — Ярослав пожимает плечами, — без нашей заботы ты навертишь такого, что нам все равно придется вмешиваться. Ты не первая разведенка, которая совершенно не приспособлена к жизни.

— Это все, что ты хотел сказать?

Ярослав кивает.

Я встаю. Отступаю к двери и с прямой спиной покидаю кабинет. Слишком громко хлопаю дверью и приваливаюсь к стене, прижав холодные потные ладони к лицу. Я не знаю, как долго стою в полумраке коридора второго этажа. Я будто выпадаю из реальности на целую вечность, но я слышу голос Ярослава и возвращаюсь к жизни:

— Эля, я развожусь, — молчание и глухо продолжает, — Лера теперь все знает.

Глава 7. У него другая женщина

— Мам, я Киру привез! — слышу голос сына, что летит с первого этажа. — Мам!

Я испуганно замираю, будто внезапно проснулась. Суетливо приглаживаю волосы, пробегаю платком под глазами и выхожу из малой библиотеки, в которой я спряталась, чтобы подумать.

Смотрю на наручные часы.

Десять вечера.

— Бабуля!

Бегу на цыпочках к лестнице, по которой ко мне решительно поднимается трехлетняя Кира и улыбается во весь рот:

— Бабуля, я с вами сегодня... ой, — чуть не спотыкается о ступеньку и крепко хватается за перила с круглыми глазами, — чуть не упала.

— А почему так поздно, Витя? — спрашиваю сына, который скидывает с плеча цветастую сумку с вещами Киры. — Ночь почти...

— Я сегодня ночью лечу в Ташкент, — Виталий напряженно хмурится, — мы же с папой открываем новые филиалы... Неважно, а Лиза...

— Маму забрали в больницу, — шепчет Кира и всхлипывает.

— Что? — охаю я и спешно спускаюсь к внучке, которую решительно подхватываю на руки и сажусь на ступеньку, крепко ее к себе прижав. — Как забрали?

Жена Виталия Лиза на седьмом месяце беременности. Ждем мальчика, и здоровье у моей невестки со вторым ребеночком совсем слабенькое стало. Прижимаюсь щекой темечку Киры в попытке успокоить ее всхлипы.

— На сохранение легла, — Отвечает Виталий. — Вот мы только от нее приехали. Все хорошо. Просто предосторожность.

От Кирочки пахнет цветочными духами, в которых узнаю парфюм невестки: нотки жасмина, свежесть скошенной травы и брызги росы с листьев ландышей.

— У мамы животик заболел, когда она забрала меня с сада, — шепчет Кира. — Вот... Я сильно кричала...

Виновато всхлипывает и утыкается в мою грудь. Слышу позади шаги. Оглядываюсь. У лестницы остановился Яр.

— Деда, — Кира сползает с моих колен и поднимается к Ярославу, протянув руки. Уже не просто всхлипывает, а плачет. — Деда...

Так оно обычно и бывает.

Когда наш деда появляется в зоне видимости, Кира теряет ко мне интерес, и ей нужен только Яр.

Потому что и сказки у него интереснее.

Потому что колыбельные слаще.

Потому что поплакать в его грудь приятнее и потому что

в его больших сильных объятиях уютнее.

— Деда...

— Оп, иди сюда, — Яр поднимает ревущую Киру на руки, — пойдем расскажешь, что случилось.

Уносит Киру, которая плачет с каждой секундой все громче и громче, и Виталий вздыхает:

— Я так и знал, что ей лучше будет тут. Ладно, мам, я поеду. Мне надо чемодан собрать...

Он даже не замечает того, что я заплаканная и опухшая. Конечно, можно все оправдать тем, что у него жена на сохранении и что его ждет ночной перелет с дальнейшими непростыми переговорами с узбекскими партнерами, но... мне все равно обидно.

Тянется к ручке двери и встаю:

— Подожди, Виталий, — хмурюсь. — Мне надо тебе кое-что сказать.

Знает ли он о похождениях отца и о том, что его любовница забеременела в свои сорок шесть лет?

— Что, мам? — немного раздраженно спрашивает Виталий.

Он же спешит. У него жена на сохранении и завтра сложные переговоры, а я полезу к нему с новостью о том, что я и Ярослав разводимся? Может, мне побережь его нервы?

В конце концов, я не должна втягивать детей в наши с Ярмом разборки и скандалы. Пусть узнает о разводе после того, как вернется домой?

Неуверенно спускаюсь на несколько ступеней и замираю.
Виталий медленно с гневом выдыхает:

— Мам, у меня нет времени на твои глупости.

— Глупости? — тихо охаю я.

— Если это что-то важное, то говори уже или отпускаяй меня, — хмурится. — Ты понимаешь, что у меня скоро самолет?

Он похож на Яра. Он той же крупной и высокой породы с грубым лицом и пронзительными глазами.

— Это важно, — шепчу я.

Мне нужна поддержка, а иначе я сойду с ума. Спускаюсь к сыну, подхожу к нему почти вплотную и заглядываю в глаза.

Знает или не знает?

Буду ли я выглядеть душой, когда я в слезах признаюсь в нашем с Яром разводе? Вдруг Виталий все знает?

— Господи, мам, — Виталий смотрит на меня с уставшей мужской снисходительностью, — ну, что? Что у тебя за привычка тянуть кота за яйца? Скажи уже либо я пошел.

Давит на дверную ручку до тихого щелчка в твердой решимости оставить меня, но я хватаю его за рукав пиджака.

Меня потрясывает.

— Твой отец... и я... — подбираю слова аккуратно и без резких выражений, — разводимся.

Замолкаю, ожидая реакцию от сына, который медленно вскидывает бровь. Громких возмущений не следует.

— У него другая женщина, — продолжаю я, — и он меня

разлюбил... и...

Тут я не выдерживаю. Громко всхлипываю, накрываю лицо и сдавленно шепчу:

— Он разлюбил меня... — повторяю, как в мантре, — твой папа разлюбил...

— Тогда я Киру зря привез? — спрашивает Виталий.

Я растерянно смотрю на него, и раздается мрачный голос Яра:

— Вить, езжай, — нет ни нотки раскаяния, — тебя завтра утром в Ташкенте ждут. Маму никто не обижает, с голой жопой на улицу не выгоняет, и мы с ней все обсудили, — делает строгую и напряженную паузу, намекая, что я должна взять себя в руки и подтереть сопли, — верно, Лера?

— Если вы все обсудили, то я чем могу помочь? — Виталий на меня хмурится. — Мам, — касается моего плеча и заглядывает в мое лицо, — я не знаю, что тебе сказать, кроме того, что... не знаю... мне жаль? И правда, с голой жопой ты не останешься, поэтому... ну, можешь, пожить у нас, пока Лиза на сохранении.

Кидает беглый взгляд на наручные часы, хмурится сильнее. Чмокает меня в щеку, смотрит на отца и спрашивает:

— Мне Киру забрать и закинуть ее Ваське, если успею?

— Нет, — Яр качает головой, — тебе сейчас важно не опоздать на рейс. Кира переночует у нас, а мама твоя подуспокоится. Она сама уже поняла, что не стоило тебя сейчас лишний раз тревожить.

— Я не смогу остаться на ночь тут... — голову кружится,
и я прижимаю ладони ко лбу и выскакиваю на улицу.

— Мама! — рывкает мне в спину Виталий. — И куда ты?!

Глава 8. Я прослежу

Тяжело дышу под звездным небом. В кустах стрекочут насекомые. Так громко, что оглушают меня.

— Мама! — слышу за спиной сердитый голос Виталия.

— Мы разводимся! — разворачиваюсь к сыну. — Ты это понимаешь?!

У мужчин совершенно другое отношение к браку. Ни один из них не посвящает себя полностью семье и брак для них не становится всем миром.

В эту ловушку попадают только глупые женщины, которые верят в сказки «жили они долго и счастливо, и умерли в один день».

Но не мужчины.

Для них жена и дети занимают лишь часть жизни, и развод не бывает для них концом их надежд, планов и ожиданий.

— Мам, я могу отвезти тебя к нам, — Виталий пожимает плечами, — а больше...

— Ты не понимаешь!

— Да что ты от меня тогда хочешь?! — повышает голос, и его слова гулом летят в ночное небо. — Я понял! Вы разводитесь! Мам! У меня самолет! У меня завтра важные встречи! Понимаешь? С министрами другой страны! Что я не понимаю? Каждый день пачками разводятся, а ты... господи, мам! — прижимает ладонь ко лбу и закрывает глаза, припод-

няв брови, — эти бабские сопли... — смотрит на меня, — как тебе помогут твои слезы, а? Папа тебя пожалеет и решит остаться с тобой?

Фонарики у дорожки подсвечивают снизу его крупную широкоплечую фигуру, и оттого он выглядит зловеще и агрессивно.

— Ответь, мам. Как тебе сейчас помогут слезы? Крики? И чего конкретно ты от меня хочешь?

Хорошие логичные вопросы, ведь я сама понимаю, что должна успокоиться и принять реальность такой, какая она есть: мой муж уходит к другой женщине, а я буду пятидесятилетней разведенкой.

— Я хочу, чтобы ты... меня... обнял? — неуверенно предполагаю я.

Да, мне нужно почувствовать равнодушие и тепло, которое согреет и зажжет искорку надежды в груди, что я не одна и что дети на моей стороне.

— Хорошо, — отвечает Виталий.

Делает шаг ко мне и обнимает. Немного неловко и напряженно, будто заставляет себя.

— Все будет хорошо, — говорит он, но сыновьей искренности я не слышу.

Он торопится, и беспокоится он не о матери, а о предстоящей встрече на чужбине.

— У него другая женщина...

— Мам, — сын отстраняется и мягко сжимает мои плечи,

вглядывается в глаза, — неконструктивно сейчас лить слезы и стенать на судьбу. Да, другая. Такое случается.

— А что конструктивно? — охаю я.

— Конструктивно, мама, сопли подтереть, не идти сейчас против отца и подумать, как быть дальше, — сдержанно поясняет Виталий. — Вдохнуть и выдохнуть. Я могу отвезти к нам, чтобы ты там в одиночестве поревела и не выглядела перед отцом размазней.

— Размазней? — шепчу я.

— Это я тебе сейчас говорю, как мужчина, — недобро щурится. — Лучше правда, — сжимает мои плечи крепче, — чем пустое соплебложение. Сейчас самое худшее, что ты можешь делать, мама, плакать и истерить. Если папа решил с тобой разорвать отношения, то все, мам, для слез уже поздно. Они будут раздражать, злить и вызывать только противную жалость. Добить нельзя, но и смотреть, как трепыхаешься...

Мой сын всегда, даже в моменты сильного стресса, не теряет самообладания. Он, наоборот, становится жестче, тверже в своих словах, и сейчас он пытается меня привести в такое же состояние, ведь только оно поможет мне сохранить себя.

— Прекрати... — отталкиваю сына от себя и в шоке отступаю. — Хватит.

Я знаю, он прав, но от его правды мне не становится легче. Нельзя стать сильной и независимой за несколько часов, ко-

гда до этого была слабой, мягкой и зависимой домохозяйкой.

— Ты на его стороне, да?

— Мам, ты и меня сейчас пытаешься втянуть в свою истерику? Не получится, — Виталий покачивает головой. — Я тебе предлагаю поехать к нам, но сидеть тут с тобой и реветь я не буду. У меня своих проблем по горло. У меня жена в больнице. Моя жена, беременная моим ребенком.

Пристыженно молчу.

За своей обидой я забыла, что мой нерожденный внук может быть под угрозой позднего выкидыша и что для сына это сильный стресс.

Ему быть с женой, но как бизнесмен, который выходит на серьезный международный уровень, он не может себе позволить лишних сантиментов, а я бессовестно расшатываю его и требую того, что не требует даже моя невестка.

Его жена понимает, что у его ждет сложная неделя, а я крики подняла и жду, что мой сын...

А чего я жду от сына?

Чтобы он сел поплакал со мной, устроил драку с отцом, напугал Киру поздним скандалом и пожалел меня, такую несчастную жертву?

— Мам, ты едешь со мной? Закину к нам...

— Нет, — тихо перебиваю я. — не поеду.

Прятаться за сыном — жалко.

Прятаться в его доме и наматывать сопли на кулак — жалко.

Убегать из дома, как тупая и неопытная малолетка, которая не знала жизни, — жалко.

Да, Ярослав сейчас видит во мне тупую размазню, с которой диалог можно вести лишь после холодного душа.

Что сын, что дочь говорят об уважение, которое я должна вернуть, и мне стоит к ним прислушаться. Они видят наши отношения со стороны.

— Езжай, — слабо улыбаюсь Виталию. — Я справлюсь. И я завтра постараюсь навестить Лизу.

— Ты и ей про ваш развод решишь поплакаться? — Витя напрягается. — Мам, она на сохранении. Не надо ее сейчас тревожить. Я очень настаиваю, — взгляд становится злым. — Не вынуждай меня, чтобы я просил персонал не пускать тебя к моей жене.

— Я... — теряюсь от обвинений сына и отступаю.

— Витя, езжай, — слышу голос Ярослава в темноте. — Мама не будет приставать к Лизе с нашим разводом. Я прослежу за этим.

Глава 9. Это такая забота

— Я думаю, тебе тоже можно уехать, — едва слышно заявляю я, когда я захожу за Ярославом в дом. — Я останусь с Кирой. Тебя же, наверное, ждут после такой радостной новости, что ты разводишься.

— Я тоже не ждал, что Киру так внезапно закинут, — шагает к лестнице, — но всего не предугадаешь, как говорится.

— Яр, — говорю тверже. — Разве тебя не ждут?

Он должен уехать. К чему был весь этот ужин с разговором о разводе, если он не собирается сегодня же меня оставить?

— Эту ночь я проведу здесь, — оглядывается у лестницы.

— Разве это нормально?

— Я лягу в гостевой спальне, — пожимает плечами. — На ночь глядя я никуда не побегу. Что за детские порывы? Утро вечера мудренее, тем более я обещал Кире завтра приготовить.

— А как же Эля?

— Да что ты прикопалась, — Яр тяжело вздыхает и широким размашистым шагом подходит ко мне. Наклоняется. — Если ты так беспокоишься об Эле, то она не в городе. Еще вопросы?

— Нет, — сипло отвечаю я, — значит, ночуешь в гостевой комнате.

Сама я тоже никуда не побегу.

С меня достаточно слез, а глупой бабой, которая куда-то бежит после серьезного разговора с мужем, я не буду.

Надо научиться сдержанности, как бы больно мне ни было. Я должна пережить сегодняшнюю ночь под одной крышей с Ярм, чтобы вытравить из себя любовь к нему.

Побег отвлечет меня от горькой правды — меня разлюбили.

Я сегодня лягу одна в нашу кровать и позволю себе полностью погрузиться в холодное отчаяние перед одиночеством и перед мужской жестокостью.

— А что завтра? — уточняю я. — После завтрака для Киры? Ты оставишь нас с ней?

— Отвезем Киру в садик и поедem к юристам, — отвечает Яр, вглядываясь в мои глаза, — я не намерен тянуть. Решение принято.

— А после адвокатов? — тихо интересуюсь я. — Вернемся домой и... что?

— За то время пока мы будем у юристов, мои помощники соберут мои вещи, — спокойно поясняет Яр, и у меня от его ровного голоса, под которым я чувствую холодную сталь напряжения, — соберут твои вещи...

— Мои вещи?

— Поживешь пока в одной из служебных квартир, — не отводит взгляда, — живи и присматривай для себя новую недвижимость. Да, уже завтра в этом доме нас уже не будет.

— Я имею право здесь остаться, — я прячу руки за спину в желании спрятать свое волнение перед Ярославом.

Я не хочу терять дом.

Может, быть это неправильно, но я тут была счастлива и тут каждый уголок мной продуман. Годами я создавала уют, продумывала каждую мелочь и каждая вещичка тут на своем месте.

Я не хочу завтра приехать после адвокатов и увидеть, как опустошены шкафы, полки и как мои красивые вазы упаковали в коробки.

Этот дом любят наши внуки, и я не готова так скоро с ним прощаться. Не готова отказываться.

— Яр, это — мой дом, — понижаю голос до шепота. — Я тут столько лет прожила... Я же с ним даже не попрощалась...

— За ночь попрощаешься, — резко и четко заявляет, а после разворачивается и готов уже уйти, но я хватаю его за руку.

Не осознаю своего порыва и буквально вцепляюсь в Ярослава мертвой хваткой.

Зачем?

Я не могу объяснить.

Я лишилась мужа, но терять дом не хочу.

Это мой дом, и я хочу жить в нем. Пусть и без Ярослава.

— Яр.

— Что, Лера? — Яр медленно оглядывается и с угрозой

шурится. — Я разве не ясно выразился?

— Оставь мне дом, — сглатываю. — Прошу. Ради внуков, которые любят свои комнаты и качели во дворе. Разве я многого прошу? Я выбирала обои, краску, даже плинтуса...

— Засядешь тут и будешь сама себя жалеть среди обоев и плинтусов?

— Я люблю этот дом, Яр, — шепчу я. — Неужели ты этого не понимаешь?

Яр хмурится и молчит. Это хороший знак.

Раз молчит, то я его тронула и пробудила в нем сомнения.

— Ты не думаешь, что тебе после развода стоит свою жизнь изменить? — спрашивает он. — Разве женщины после разрыва не стремятся избавиться от всего того, что им напоминает о муже, о жизни с ним?

— Так ты обо мне заботишься?

— Естественно, — усмехается он. — И да, где-то подталкиваю к решительным действиям, с которых начнется твоя новая жизнь без меня.

— Без тебя, но под твоим контролем? — уточняю я.

— Заботой. Ты мне не чужая тетка, Лера. Да, я должен направить тебя в нашем разводе, — он улыбается уголками губ и вновь разворачивается ко мне, — ты посмотри на себя. Ты же сейчас ведешь со мной тихий спокойный разговор, — вижу в его глазах одобрение, — а если бы тебя не встряхнули, то ты бы позволила себя разныться и истерить до психушки. Сейчас четко проговариваешь то, чего хочешь от меня.

У меня вздрагивают крылья носа, но мне удастся сдержать в себе слезы обиды.

— Я подумаю над твоими словами, — милостиво кивает Яр, и я отпускаю его руку. — У тебя есть ночь еще хорошенько подумать над нашим разводом. Ты должна согласиться, что нам стоит расстаться не врагами.

Глава 10. Что ты тут делаешь?

— Я бы все же дом продал, — Ярослав постукивает пальцами по столешнице и на меня не смотрит, — но если ты настаиваешь...

— Настаиваю.

— Ты сейчас явно упрямишься.

Возможно, он прав, но я не могу отказаться от моего дома. Просто не могу. Он для меня — не стены и крыша. Он для меня — живой, и я не в силах предать его. Я не могу допустить того, чтобы кто-то чужой въехал в него и жил.

— Не могу и все, — сдавленно отвечаю я.

Адвокат Ярослава терпеливо ждет слов и решения хозяйна.

Встреча, которая должна определить мою жизнь после развода, проходит в малом переговорном зале в главном офисе компании Яра.

Я боялась встретить тут Элю, но она же не в городе, и мне можно выдохнуть. Позорной встречи беременной успешной любовницы и жалкой неудачницы жены не состоится.

— Ты в нем закинешь, Лера, — цыкает Ярослав.

— Я, наконец, заведу собаку, — заявляю я.

Вот тут Ярослав, наконец, переводит на меня взгляд. Он недолюбливает собак, потому что в детстве на него напала бродячий пес и порвал ему правое предплечье. Ему было

пять лет.

Остались шрамы. Я любила их гладить, разглядывать и с сочувствием вздыхать.

А я собак любила, но понимала неприязнь Яра к ним, поэтому никогда не поднимала вопрос о том, что хочу завести щенка, ведь вся моя жизнь крутилась вокруг любимого мужа, который даже мелких померанцев презирал.

Да, белый щенок померанского шпица точно отвлечет меня от тоски по Ярославу. Они же такие милые, преданные и смелые, пусть и похожи на сказочные живые облачка с черными глазками пуговками.

— Зачем тебе собака? — мрачно спрашивает Яр.

— Затем, что я люблю собак, Ярослав, — едва сдерживая слезы, всматриваюсь в сердитые глаза Яра. — И ты... себе любовницу завел, — перехожу на шепот, потому что говорить мне становится сложнее, — а я... всего лишь хочу собаку и дом.

Ярослав хмурится, щурится и поджимает губы, а после, когда по моей щеке катится слеза, разворачивается к адвокату и заявляет:

— Дом моей жене... — делает паузу и сжимает переносицу.

Я перебиваю его:

— И мне больше ничего не надо от тебя. Дом и все.

Меня опять начинает потряхивать. Подступает истерика и новые слезы.

— Интересно, тогда на какие шиши ты будешь этот дом содержать? — Яр массирует переносицу. — Это удовольствие не из дешевых.

— Тогда оформи содержание дома! — повышаю я голос. — А большего не прошу!

Я не выдерживаю. Я ночь почти не спала, но рыдания в подушку мне никак не помогли. Во мне — море слез, а выплакала я всего лишь лужу.

Я встаю и торопливо выхожу из кабинета под тяжелый вздох Ярослава. Мне надо умыться холодной водой, а после я уеду домой.

Я высказала свои пожелания.

Я заслуживаю этот дом и его содержание.

Это мое родное любимое гнездо, и придерживаюсь мнения: мужчина обязан оставить женщине тот дом, в который он однажды ее привел.

Кто-то скажет, что я дура и что мне стоит продать дом и купить квартиру в городе, но... нет.

Я планировала встретить в этом доме старость, и я ее встречу. Пусть и без Ярослава.

После уборной и холодного умывания я теряюсь среди коридоров, будто пребывая в липком и блеклом кошмаре. Очухиваюсь уже у лифта под писк, который сигнализирует, что на этаж прибыла лифтовая кабина.

Дзынь.

Я вздрагиваю.

Двери медленно разъезжаются, и я вижу перед собой Эллу с небольшим стильным чемоданчиком из белого ребристого пластика. Она, как всегда, сама элегантность: деловой костюм из тонкой молочной шерсти, шелковая маечка, заправленная за пояс высоких брюк, и аккуратное жемчужное ожерелье на шее.

Я замечаю, как ее глаза немного расширяются в удивлении и как правая бровь приподнимается.

— Валерия? — тихо проговаривает она, будто зрение ее подводит.

Ее не должно быть тут. Она же где-то по своим важным делам мотается! Сглатываю. Пальцы дрожат.

Позорная встреча все же состоялась, и я выгляжу жалко: опухшая, красные белки глаз и тусклая кожа после бессонной ночи.

— Что ты тут делаешь? — озадаченно спрашивает Элла.

Глава 11. Не приснился

— Это я должна тебя спросить, что ты тут делаешь? — тихо проговариваю я. — Ты же не в городе, — припоминаю слова Яра.

Двери лифта начинают бесшумной и медленно закрываться, и Элла выставляет ногу, чтобы остановить их движение: — Срочно прилетела обратно.

Выходит из лифта, деловито дернув за собой чемоданчик. Внутри все клокочет от ревности, ярости, обиды и зависти к статности, красоте и грациозности Эллы, которая выглядит после перелета свежо.

— Ах, ну-да, — усмехаюсь, — узнала хорошую новость.

— Лера, — она вздыхает и печально хмурится, разворачиваясь ко мне. Ставит чемоданчик на все четыре колесика и опирается рукой о длинную выдвижную ручку, — возможно, нам стоит поговорить?

— О чем? — делаю к ней шаг. — О том, что ты залетела от моего мужа?

Мое воспаленное воображение рисует откровенные и яркие сцены того, как мой Ярослав сгребает эту элегантную красавицу Элли своими сильными и крепкими ручищами, а после жадно целует в полутьме. Я, кажется, как наяву слышу их вдохи, выдохи и неразборчивый шепот.

Только сейчас, глядя в бессовестные карие глаза Эллы, я

понимаю, что Ярослав больше не мой мужчина. Не мой муж. Только сейчас я четко осознаю, что наш брак больше ничего не стоит и ничего не значит.

Он любит другую.

У него будет ребенок.

Мы разводимся.

Это не шутки. Не пустые угрозы. Не манипуляции. Это реальность. Моя жуткая и холодная реальность.

— Я понимаю, тебе тяжело принять... — говорит Элла с милой и сочувствующей улыбкой, — но мы пытались сопротивляться...

— Достаточно, — зло огрызаюсь я. Еще чуть-чуть и я рыдаюсь. — Тошно от вас.

В этом я не лгу.

Горькая тошнота подступила к языку горла, и любое мое слово может спровоцировать фонтан желчи и желудочного сока.

Нажимаю несколько раз на кнопку вызова лифта. Не хочу я вести беседы с Эллой.

Мне противно.

Мне горько.

— Я тебе не враг, Лера, — вещает Элла. — Я просто женщина...

— Ты шлюха! — рявкаю я на нее так громко, что мое оскорбление слышали несколько этажей. — Вот кто ты! Ты влезла в нашу семью! Увела моего мужа!

— Яр — не телок, — Элла не повышает голоса и держит себя с достоинством королевы, — и не надо сейчас так удивляться тому, что вы пришли к разводу.

Я продолжаю жать на кнопку вызова лифта, но он застрял где-то на третьем этаже. Сейчас у меня крышечку точно сорвет.

— Для любой приличной женщины спать с чужим мужем, — цежу я сквозь зубы, — унижение. Ты еще и залетела. В твои-то годы, — усмехаюсь. — не боишься родить дауна? Или инвалида? Без ручек или ножек?

— В тебе сейчас говорит гнев, — Элла продолжает давить меня непоколебимым спокойствием и женской уверенностью.

Что же, у меня нет вопросов, почему она работает финансовым директором. С деньгами работать сможет не каждый мужик, не то что женщина.

— Ты же уже не девочка, Эля, — презрительно хмыкаю. — Ты в своем уме рожать под пятьдесят от немолодого мужика, м?

А вот я не отличаюсь сдержанностью, но я и не думаю себя одергивать или вызывать к хладнокровию.

Меня предали.

Меня обманывали несколько месяцев, и меня разрывает от ярости, ненависти и отчаяния.

Меня ждет холодная постель и одинокие ночи в слезах и вопросах «почему?» и «за что?», а эта тварь, которая реши-

ла лишить меня достойной старости в обществе моего любимого мужа, родит малыша?

— Тебя же должны были предупредить, что велик шанс родить особенного ребенка, — зло щурюсь, — или самой сдохнуть.

— Достаточно, Лера! — вздрагиваю от басовитого окрика Ярослава и замираю, шумно выдыхая через рот.

— Это говоришь не ты, Лера, а твоя обида, — Элла печально вздыхает и торопливо плывет, цокая каблуками, к Ярославу. — Я прилетела утренним рейсом, Яр. Зря?

— У нас была встреча с адвокатом, — Ярослав приобнимает и уводит из лифтового холла, — но да, я тебя утром не ждал. Тебе стоило предупредить меня.

— Я... не подумала... я испугалась после твоего звонка, — воркует Элла, влюбленно вглядываясь в мрачное решительное лицо моего мужа. — Мне даже показалось, что мне все это приснилось... твой звонок приснился...

— Нет, не приснился, — отвечает Ярослав. — Мы, правда, разводимся, — на пару секунд оглядывается на меня, будто в надежде, что я испарилась, но я все еще тут, и его глаза темнеют, — я предупредил водителя. Он отвезет тебя домой, Лера.

Глава 12. Прекрати себя жалеть

Ярослав временно переехал в четырехкомнатную квартиру Эллы.

После похорон мужа она продала общий дом и купила сто сорок квадратных метров на пятнадцатом этаже в одном из новых жилых комплексов через квартал от офиса.

Теперь там будет жить Ярослав. Станет пить кофе по утрам на открытой террасе и задумчиво смотреть на город в серости раннего рассвета.

А я... я по утрам не хочу просыпаться.

— Мама, тебе нельзя закусать, — громко цокает Василиса. — Какие у тебя планы?

Скрещивает руки на груди и ждет от меня ответа.

Приехала и в ультимативном тоне заявила, что я сейчас еду с ней на маникюр и стрижку, а после пойдем выпьем кофе с тортиком в красивой кафешке, которую открыла ее подруга.

Зачем мне все это? Для чего? Пусть оставит меня в покое!

— Три дня прошло, Вась, — пробегаюсь пальцами по краю чашки. На дочь не смотрю. — Уходи.

Эти трое суток смазались в один долгий кошмар, в котором я помню лишь свой вой в подушку и молодых помощников Яра, которые приехали собирать его вещи в квадратные коробки.

Молча, как муравьи, опустошили кабинет Яра, гардеробную комнату и пару полок в библиотеке с его любимыми коллекционными книгами.

Он действительно ушел из моей жизни.

Плюнул на тридцать лет брака и кинул меня, потому что полюбил другую. Потому что домашняя уютная клуша с пирожками и вкусными ужинами надоела.

— Три дня достаточно, чтобы взять себя в руки! — громко и строго возражает Вася. — Да, ушел! Да, теперь с другой! Да, обидно и досадно, но, мам, ты же можешь и год, и два ныть!

— Это мое право оплакать мой брак! — яростно взвизгиваю я. — Ну уж простите, — вскакиваю на ноги и смахиваю со стола чашку с чаем. Она разбивается. — Простите, что я не железная леди! Посмотрела бы я на тебя!

— Вы взрослые люди, мама! Да сколько можно?! — кричит на меня. — Ты закуксишься! Я тебя пытаюсь растряссти! Занять, отвлечь!

— Оставь меня! Надоела! Иди к своему папочке! у вас же общие дела, бизнес, да? Хитрые схемы!

— Он — мой отец! Он останется им, мама! И не буду я рвать дела, потому что ты не можешь понять, что ваш развод - это не конец света! Что жизнь продолжается! Что мне, что Виталику надо кормить свои семьи, что мы обязаны продолжать дело отца, развивать его! Ты бы все кинула! Ты бы все просрала, мама, ради своей тупой гордости и жалкой обиды!

Потому что ты и понятия не имеешь о ценности того, чего мы достигли за эти годы! Чего достигла наша семья! — шагает ко мне. — Да, у меня с отцом общие дела, поставки, связи, и не стану я все это рвать лишь для того, чтобы удовлетворить твою женскую обиду. Это глупо, недальновидно и контрпродуктивно. Это, — повторяет с нажимом, — глупо.

— Если бы с тобой поступили так, как со мной...

— А я не пошла по твоему пути, — Вася заглядывает в глаза. — Я не сидела дома, я с шестнадцати лет работаю, мама, если ты не забыла. Я рву жилы все эти годы, я зарабатываю бабки, я расширяюсь, я имею ценность, и если мой муж решит уйти, то пусть уходит, — она недобро щурится, — распускать сопли я не буду, ясно. У меня просто на это не будет времени. Я тебе, — цедит по слогам, — поэтому и говорю, мама, возьми себя в руки. Хватит ныть. Хватит себя жалеть. Хватит быть размазней, которой ты была всегда.

— Не надо так со мной...

— А то что? — Вася вскидывает бровь и напирает на меня. — Расплачешься? Опять? И знаешь, — она скалится в презрительной улыбке, — гордость она про слюни, сопли, слезы, а про действие! Не буду я тебя жалеть! Ты сама виновата, что надоела ему! Он же не на молодуху наскочил!

— Хватит! — кричу я, закрываю уши ладонями и в слезах опускаюсь на корточки перед дочерью. — Хватит!

Вася отходит в сторону, отворачивается и сжимает переносицу на глубоком выдохе:

— Неужели ты не понимаешь, мама, что сейчас тебе надо быть сильной.

— Я не могу быть сильной... я его любила... люблю...

— Я жду тебя в машине пятнадцать минут, — Вася торопливо шагает прочь из кухни, — хочешь жалеть себя, то жалей. Больше не полезу и буду с тобой вести как с умственно отсталой овцой.

Глава 13. Тошнит

— Вот ты где.

Голос Яра вырывает меня будто из кислого пудинга, в котором я застыла на целую вечность. Очухиваюсь я в библиотеке. Сажу в любимом кресле Яра, укутанная одеяло.

Сколько времени?

Какой день?

Вокруг меня разбросаны книги, из которых вырваны страницы. Это постаралась я?

Зажмуриваюсь и вспоминаю вспышками, как я кричу и скидываю книги на пол, а потом пытаюсь перевернуть тяжелые книжные шкафы, но у меня ничего не выходит. Сил совсем нет.

Да, с Васей я никуда не уехала в тот день, когда она решила выдернуть меня из тоски по Яру на маникюр, стрижку и чашечку кофе.

— Так... — Яр оглядывает бардак в библиотеке и осторожно переступает через разбросанные книги, — ясно.

— Что ты тут делаешь? — хрипло спрашиваю я.

В приглушенном полумраке Яр выглядит мрачным великаном, от которого пахнет горькой полынью и горячими камнями из пустыни.

— Мои адвокаты не могли до тебя дозвониться, — он нависает надо мной рассерженной тенью, — Лера, все проис-

ходит так, как говорил я, да?

Я даже думать не хочу, как я сейчас выгляжу. Я в эти дни после Васи даже не умывалась и зубы не чистила. Что уж говорить о волосах, которые висят жирными тонким сосульками на моем лбу.

Вижу разочарованное лицо Яра и понимаю, что мне все же стоило поехать с Васей в салон красоты, и сейчас бы мой почти бывший муж видел на жалкую квашню, а красивую женщину. Немного печальную, но все же красивую и ухоженную.

— Уходи...

Яр кидает на низкий столик папку с бумагами и прячет руки в карманы брюк, недобро прищурившись на меня.

Я в очередной раз доказала ему, что я — жалкое ничтожество, а ведь наша дочь яростно пыталась меня привести в чувство, а я... а я обиделась и утонула в болоте жалости к себе.

— А подписать документы на развод ты не хочешь? — Яр не спускает с меня взгляда.

На глубоком вдохе белая рубашка на его мощной груди натягивается, и он раздраженно поглаживает голову ото лба до затылка, глядя в сторону окна, с которого я сорвала шторы:

— Ты дом оставила, чтобы в нем развести бардак? — вновь смотрит на меня. — Лер, ты тут помойку развела. На первом этаже вонь стоит от мусора и немытой посуды. В гостиной разбитые горшки цветов...

— Пошел прочь...

— Значит, Вася ничего не приукрасила мне, — он горько усмехается.

— Оставьте меня в покое, — клоочу в отчаянии я. — Это моя жизнь...

— Ты вынуждаешь, Лера, сделать неутешительные выводы, что ты не в себе, — Ярослав наклоняется ко мне и заглядывает в глаза, — что тебя все же после первой истерики стоило проколоть успокоительными и отправить на пару неделек в какой-нибудь санаторий, где такие тетки, как ты, с нервными срывами лежат.

Меня начинает трясти:

— Ты меня еще в психушку решил упечь?

— А я думаю, что сейчас тебе там самое место, — говорит тихо и вкрадчиво. — Лер, ты выглядишь плохо. Очень плохо. Ты разгромила дом, который требовала себе оставить, тут все в грязи, мусоре, грязной посуде. Я знал, что так и будет, Лера. Я знал, что ты заквасишься здесь...

— Я больше не твоя забота, — с уголков глаз срываются мутные слезы, — какая разница, как я буду жить без тебя, — тру нос и вся вздрагиваю от громкого всхлипа. — Это мое горе, Яр. Мое. Я должна его прожить. Вот так, — поднимаю на него тусклый взгляд. — Вы все такие сильные, смелые, а я — нет. Я слабая.

— Тебе дать волю и ты до смерти догорюешь, — недобро заявляет Яр.

— Тебе-то какое дело?

Яр распрямляется, закрывает на несколько секунд глаза и медленно выдыхает. Он зол. Нет, я бы даже сказала, что он рассвирепел от моего вопроса.

— Лера, милая моя, — он резко поддается ко мне и сдавливает мои плечи через одеяло. Голос его вибрирует яростью, — я не хочу того, чтобы ты сдохла в грязи мусоре. Я не хочу, чтобы меня от тебя тошнило, как сейчас тошнит.

Я дергаюсь от него в сторону, а затем выхватываю из его нагрудного кармана ручку.

— Не трогай меня, — отмахиваюсь от него. — Я подпишу и проваливай.

Щеки все в слезах. Даже кожа на шее зудит от соли, что въелась в поры.

— Если ты за эту неделю не возьмешь себя в руки, Лера, — тихо угрожает мне Яр, — придется помочь тебе прийти в себя. Может, ты еще ко всему прочему пить начнешь, как твоя мать?

Глава 14. А если нет?

— С мамой надо что-то решать, — говорю я. — Васька пыталась ее встряхнуть, но безрезультатно. Тебя тоже не будет слушать...

— Не будет, — тяжело вздыхает Виталий.

Что она устроила в доме — ужас.

Вся кухня в грязной посуде, в кастрюле начало гнить мясо, которое она, похоже, варила, а потом забыла.

В духовке — сожженная картошка. Все это воняет до приступов тошноты.

На полу — липкие пятна, очистки, сухой хлеб, осколки.

Гостиная разгромлена.

Я же знал, что Леру накроет, поэтому настаивал на том, чтобы она сразу переехала, ведь при смене места жительства мозги хорошенько так переключаются со страданий на бытовые заботы.

Но я уступил.

Из жалости. Из той самой жалости, которая держала меня рядом с Лерой уже года два.

Ужасное противное чувство, которое в итоге уничтожило во мне все уважение к жене.

Если мужчина начинает испытывать липкую жалость к женщине, то это начало конца, но я этого тогда не понимал. Не осознавал, а когда все пришло к финишу, то ни искорки

нежной любви не осталось.

Слабость Леры, которая меня однажды завоевала беспомощностью, стала вызывать во мне тоскливую жалость к женщине, которая горько плачет от грубого слова незнакомой бабки в супермаркете.

К женщине, которая ластится со слезами, что весь день прорыдала над грустной книгой или фильмом.

К женщине, которая звонит мне на важных переговорах с криками паники, что стиральная машинка потекла и она не знает, что делать и куда бежать.

К женщине, которая пугается, когда приезжает курьер. Всегда в этот момент звонит мне по видеосвязи и просит побыть с ней, пока «чужой» не уйдет.

К женщине, которая может развести целую трагедию, если булочки «упали», и купить свежие в пекарне — не вариант, потому что «не все можно купить и дело совсем не в этом, Яр. Ты не понимаешь».

К женщине, которая не может себе платье выбрать без моего мнения.

К женщине, которая липнет ко мне с милыми предложениями посмотреть мелодраму и побыть ее сильным плечом, в который она будет всхлипывать и шептать «это так грустно».

— Мы сейчас для нее враги, — говорит Виталий.

Мое желание оберегать ее извратилось в чувство зудящей вины, жалостливых мыслей о том, что моя жена совершенно

не приспособлена к жизни. Она такая глупая, такая слабая, такая мягкая, такая наивная, что аж тошно. Быть с ней — пытка, но оставить... это будто выкинуть слепого котенка в отхожую яму, и я отгонял от себя мысли о разводе и о том, что я хочу оставить Леру.

Я не могу. Я - ее муж, и как же она без меня? Ее ведь до ужаса пугает даже поездка в одиночестве в другой город к старой подруге, которая пригласила в гости.

И то, что я сегодня увидел, подтвердило: ей не стать сильной. Она не способна на это, и ни уговоры, ни угрозы, ни попытки как-то ее встряхнуть злостью и агрессией ничем не помогут.

И ведь именно жалость меня сегодня к ней привела и вновь ударила по желудку тошнотой и брезгливостью.

Я в Лере опять увидел не женщину, а какую-то прокаженную.

— Если нас она не слушает, то, может, ее подруг подо-
слать? — предлагает Виталий. — Тетю Катю? Она мне не нравится, но...

Мне эта идея не нравится, потому что та же «тетя Катя» тоже с каким-то снисхождением дружила с Лерой, которая, похоже, что в браке, что в дружбе была не сильной личностью, а мягкой глупой дурочкой.

— Пап, или ты предлагаешь ее силком засунуть в какую-нибудь психушку?

Элла говорила однажды про какую-то клинику неврозов,

в которой пару недель отлежала ее сестра после третьего выкидыша, но кладут туда с добровольного согласия.

А Лера согласится? Нет. Разорется, разрыдается, и все будет еще хуже, чем есть сейчас.

Она же у нас чувствительная, ранимая душа.

Со вздохом откидываюсь на спинку сидения и напряженно постукиваю пальцами по баранке руля.

Обычно женщины на развод бесятся, хотят доказать мужьям, какие они сильные и красивые, а эта... Поскрипываю зубами. Начинаю злиться. Сильно злиться. Кинуть бы Леру уже, и пусть сама выплывает из своего болота нытья и слез, но это как оставить собаку с переломанными лапами на морозе и верить, что она вскочит и побежит.

— Пожалуй, позовем тетю Катю в этот вонючий бардак, — тяжело вздыхаю и невесело хмыкаю, — может, хоть тут у твоей мамы включится женская гордыня, когда добрая тетя Катя начнет с причитаниями убирать ее дом, который она так требовала себе.

— А если нет, пап?

Глава 15. Любить, а не жалеть

— Милая моя, тише, — Катя гладит меня по спине. — Ну, что ты...

Я реву громче. Не могу остановиться. Моя подруга что-то нашептывает ласковое, обнимает, держит за руку, слезы вытирает.

— Я не смогу без него...

Мы сидим в нашей с Яром спальне. На полу у окна рядом с моим туалетным столиком.

— Сможешь, — уверяет она меня, утирая слезы с щек, — тяжело, но... ты справишься... просто ты должна сейчас себе помочь.

— Как?! — я почти кричу.

Катя не понимает меня. Жалеет, но не понимает. Конечно, ее не ждет развод. Ее муж не шокировал словами, что разлюбил и что уходит к другой, потому что я надоела.

— Может, — Катя несмело улыбается, и в уголках ее глаз углубляются морщины, — обратиться к... специалисту?

— К какому? — мой голос дрожит.

Катя подает мне стакан с водой.

— К такому, который тебе сейчас поможет справиться со стрессом, — говорит почти шепотом, — ну... может, таблетки выпишет.

— Какие таблетки?

Я отставляю стакан в сторону к ножке туалетного столика и возмущенно охаю:

— Ты что такое говоришь?

А после я вскакиваю на ноги под вспышкой гнева. Значит, и эта решила, что у меня потекла крыша и что мне надо в психушку?

— Лера, у тебя сейчас сложный период в жизни...

— Я не сумасшедшая, чтобы глотать таблетки! — обиженно рывкаю я. — Чтобы в моих мозгах копались!

— Оглянись, Лера, — Катя мрачно смотрит на меня. — Или хотя бы в зеркало посмотри.

— Уходи... — меня начинает трясти.

Катя устало прижимает пальцы к переносице и тяжело вздыхает в попытке сдержать раздражение.

— Лер, я не говорю, что ты сумасшедшая, но помощь тебе сейчас нужна, — щурится. — Серьезная поддержка...

— Вот именно! Мне нужна поддержка! Поддержка, а не чужие люди с таблетками...

Катя встает на ноги перебивая меня:

— Я тебя поняла. Ты просто хочешь себя жалеть, — усмеяется. — Тебе все это, — она разводит руки в стороны, — нравится. Ты наслаждаешься...

— Что ты...

— И ты всегда такой была, — Катя разочарованно цыкает. — И знаешь, — в ее глазах пробегают недобрый огонек, — если уж быть честной, ты ведь не только Яра достала.

Я распахиваю глаза.

— Он рядом с тобой долго продержался, — хмыкает, — но в этом и есть твой талант, Лера, — она делает шаг ко мне, — цеплять всех на крючок жалости. Лишнего тебе никогда не скажешь, потому что можно ранить и обидеть.

— Не смей...

— Да и в школе с тобой все дружили, потому что было стремно тебе отказать, — Катя пожимает плечами. — Ты же такая милая и добрая. Не хотелось обидеть.

Дрожь в теле нарастает.

— И опять. Ты все свела к тому, что никто тебя не жалеет и все желают зла, — Катя вглядывается в глаза. — Я понимаю, Лера, ты у тебя мать пила и это отложило на тебе свой отпечаток...

— Заткнись! — взвизгиваю я. — Моя мать тут ни при чем!

— Да только ты ведь сейчас сама в том состоянии, когда запьешь с горя! — повышает голос. — Почему ты так удивляешься, что Яр устал от тебя?! Даже мы уже с тобой сократили общение, потому что твое охи, вздохи и печальный голосок просто вымораживает! Ты никакая, Лера! Ты бесишь!

Последние слова она уже кричит, выплескивая на меня раздражение, которое накопилось за годы дружбы, в которой она была ко мне всегда терпелива.

— Я тут с тобой с утра тут сижу! Успокаиваю, сопли вытираю, и понимаю, что ты и не собираешься брать себя в руки!

— кричит и даже топает ногой, что выглядит для пятидесятилетней тетки глупо. — Ты просто хочешь, чтобы все прыгали вокруг тебя! Господи, если ты умудрялась делать трагедию из-за автобуса, который окатил тебя лужей, то о разводе с Яром ты будешь годами ныть! Ты помнишь автобус?! Я и Верка посмеялись, а ты? Разнылась Яру, что это было твое любимое платье, и он потом добился того, чтобы водителя уволили!

Я отступаю. Да, я помню грязный подол платья, ту горькую обиду и холодные капли на лодыжках.

— Уволили! За лужу! — Катя прет на меня. — Все тогда были веселенькие, на подъеме, пусть и грязненькие, вышли прогуляться после вкусного ужина, а ты устроила Яру головомойку по телефону на минут тридцать, что любимое платье теперь не отстирать! Всем тогда настроение испоганила! И потом удивлялась, а почему девочки отдалились?! И опять ты вынуждаешь Яра подтирать тебе сопли, пусть и чужими руками!

— Это он тебя подослал... — шепчу и пячусь к двери. — Это он тебя науськал...

— Ты позволила ему увидеть себя вот такой, — презрительно окидывает меня взглядом. — И ты все это устроила, лишь бы не позволить Яру окончательно сорваться с твоего крючка. Ты прекрасно знаешь, что он не кинет тебя. Продолжит возиться, контролировать, следить, а если ты будешь сильной, красивой и уверенной, то он уйдет в новую жизнь

без чувства вины, что бросил такую беспомощную и слабую! Ты всех вокруг держишь возле себя из-за чувства вины! Это твоя фишка!

— Нет, ты не права, — у меня начинают дрожать подбородок. Голос падает до шепота. — Не надо такое говорить... И тебе не понять. Ты не разводишься, муж тебя любит...

— А что ты сделала, чтобы тебя любили, Лера, — Катя горько усмехается, — а не жалели?

Глава 16. Гадко

Смотрю на себя и вижу в отражении копию мамы: жалкая, опухшая, сальные волосы висят сосульками, а помятая сорочка заляпана в каких-то противных пятнах.

Ногти обгрызла, обломала, нарощенные реснички из-за слез выпали, и пахнет от меня дурно.

Я уже сама чувствую.

— Ты позволила ему себя такой увидеть! — вспоминаю слова Кати.

Закусываю губы и опускаю взгляд, потому что смотреть на себя гадко и невыносимо.

Быть мной сейчас — гадко.

Вот уж точно не женщина.

Разве женщина позволила бы себе не чистить зубы? Или спать на простынях в пятнах кетчупа и в крошках? Или не мыть волосы столько времени?

Пусть я не алкоголичка, но я все же ушла в запой. Жалкая, слабая, как и моя мама. Она тоже видела в каждом, кто пытался ее встряхнуть, врага. И ее тоже никто, по ее яростным словам, никто не любил.

И именно такой, как я сейчас, в первый раз увидел мою маму Ярослав. Как же он был возмущен, растерян и сколько в нем было отвращения!

То же самое отвращение вспыхнуло в нем и в последнюю

нашу встречу с ним.

Я позволила ему увидеть меня такой.

Накрываю лицо руками и оседаю на пол.

Я позволила дочери увидеть меня такой.

Нет, я не алкоголичка, но уничтожить себя можно и без бутылки. Возможно, от алкоголя меня спас Яр, который всю жизнь для меня был защитником, покровителем и тем, к кому я бежала за решением даже мелких проблем, которые обычных женщин не напугают.

Я ведь дико обижалась, когда Яр пытался мне донести, что мои звонки ему, когда он сидит на встрече с серьезными дядьками, несвоевременны и что, если сломался кран на кухне, то стоит позвонить сантехнику.

Вот Элла, наверное, не пугалась протекающих кухонных кранов, и такие проблемы для нее не проблемы.

Она сильная, смелая и независимая женщина, которая не боится налоговых проверок, угроз со стороны конкурентов Яра, агрессии подчиненных, и ее ум — острый, цепкий и практичный, а я...

Я — домохозяйка, которая обижалась до слез на мужа, когда тот терпеливо просил не дергать его из-за глупостей по десять раз на дню.

И я удивляюсь тому, почему Яр обратил внимание на мою полную противоположность, которая всегда держит себя достойно.

Даже на похоронах мужа.

Ведь я сама тогда восхитилась ее аристократичной печалью, отстраненной тоске и слезы ее были красивые. Не истеричные, громкие и жалкие, как у меня, а именно красивые и благородные.

Королева в трауре. Вот кем она была и есть на контрасте со мной.

Да с ней никакая молодуха-то не сравнится, потому что Яр нуждался не в молодости и наивности, а в цельной личности, которая поддержит разговор, поймет его тревоги о бизнесе и хитрых инвесторах, с пониманием дела послушает о планах выйти с бизнесом в Европу и даже что-то подскажет.

А я?

Я поплачу о сериале, поноую о грязном платье и поговорю о новых соседях, которые показались мне при знакомстве слишком сердитыми и вредными.

И сколько раз моя дочка пыталась донести до меня, что надо меняться, что должны быть свои интересы, что можно начать какое-нибудь свое дело, пусть и в убыток поначалу, но надо хотя бы попробовать.

Я попробовала рисование, лишь бы она отстала, но дальше домашней мастерской, которую мне обустроил Яр, я не выходила. А зачем?

А затем, чтобы не стать для мужа надоедливой ноющей рыбой-прилипалой.

Зачесываю пальцами волосы назад.

Я не знаю, как жить без Яра, и меня страшит будущее без

его смеха, объятий и улыбок. Страшит до липкой паники, но... я не должна быть для него то, о которой он будет вспоминать с кривой гримасой отвращения.

Нет.

Он ведь так меня любил, и его любовь в прошлом не должна быть запятнана брезгливостью.

Быть мягкой и доброй женщиной не значит быть беспомощной размазней, которая голову неделями не моет и ненавидит весь мир за то, что никто меня не любит и не жалеет.

Любовь она отпускает мужчину, а я своей обидой, слезами и криками держу Яра возле себя, пусть и говорю, чтобы он оставил меня.

Встаю и иду на поиски телефона. Нахожу его за диванной подушкой.

Неделя, которую мне выделил Яр для того, чтобы я пришла в себя, истекает завтра.

— Алло, мам, — слышу в трубке напряженный голос Васьки.

— Доченька... — я едва не всхлипываю. Щипаю себя за шею, чтобы сдержать рыдания, — я тебя не отвлекаю?..

Глава 17. Поделишься планами?

Похлопываю себя по щекам, закрываю глаза на несколько секунд, чтобы сдержать слезы и напоминаю, что у меня накрашены ресницы. Если потечет тушь, то я опять буду выглядеть жалко.

Увы, я уже не в том возрасте, когда черные подтеки под глазами смотрятся сексуально или красиво.

Открываю глаза и решительно смотрю в свое отражение.

Я не стала сопротивляться идее Васьки состричь волосы и оформить дерзкую стрижку, а после и вовсе бахнуть рыжий цвет.

Я послушала дочку, и та дала четкие инструкции парикмахерше, как я должна выглядеть с новой стрижкой: дерзко, стильно и сильно.

Мама отказывается от образа мягкой мямли и жертвенной овцы.

— Пора побыть стервой, — заявила Васька, глядя на меня через отражение. — Пора меняться, мама.

Спасибо ей, что она не отказала приехать, когда я позволила и попросила отвезти меня в какой-нибудь салон помыть голову.

Сама я не в силах, поэтому пусть другой человек за деньги помое меня, расчешет и сделает массаж головы.

Вот я стою перед зеркалом, смотрю на себя и мысленно

уверяю себя в том, что я справлюсь и что не боюсь новой встречи с Яром, который позвонил час назад и предупредил в своей привычной строгой манере:

— Я скоро подъеду.

— Хорошо, — шепнула я тихо в ответ.

Он должен увидеть меня и наш дом. Увидеть, что я под контролем дочери привела себя в порядок и разгребла бардак, в котором я могла похоронить себя. Увидит, что я прихожу в чувство, и оставит меня, а я отпущу его.

Выхожу из ванной комнаты и слышу через открытое окно знакомый громкий сигнал автомобильного клаксона.

Ярослав приехал и предупреждает меня.

Прикусываю внутреннюю сторону щек, а после пару раз пшикаю на себя новым парфюмом, который мне сунула Васька со словами:

— Это тебе.

Немного грубая, напряженная и в заботе своей острая и даже холодная, как скальпель в руке хирурга, который безжалостно отсекает мертвые ткани и опухоли.

Парфюм — цитрусовый с нотками свежей травы и горячего песка. Я такие запахи избегала, потому что люблю более мягкие, незаметные и сладкие композиции, но мама меняет жизнь и саму себя.

Моей дочери лучше знать.

Она у меня сильная, успешная и не боится того, что в ее жизни может не стать любимого мужчины.

Спускаюсь в холл. Немного суетливо оправляю подол юбки и шагаю к входной двери, мысленно уверяя себя, что я справлюсь и что я не боюсь взглянуть в глаза Ярослава.

Выхожу на крыльцо в тот самый момент, когда из припаркованной у гаража машины решительно выскакивает Яр. Он немного агрессивно одергивает пиджак и движется в мою в сторону быстрым размашистым шагом.

Сколько в нем энергии, и как мне ее будет не хватать в моей новой жизни.

Он своим огнем согревал меня, наполнял силой, защищал, а теперь я осталась без этой мужской мощи, что способна весь мир перевернуть и заново его создать.

— Вася не соврала, — он останавливается внизу у каменной лестницы крыльца и едва заметно прищуривается. — Ты постриглась, — он усмехается то ли с одобрением, то ли удивлением. — И покрасилась. В рыжий?

Я делаю вдох, прежде чем ответить, а иначе я могу опять разочаровать почти бывшего мужа слезами обиды:

— Меняю жизнь.

Звучит неубедительно, потому что в голосе все же прорывается предательская хрипотца неуверенности и испуга перед одиночеством.

— Это хорошо, — Ярослав поднимается на две ступеньки.

Хочу забежать в дом, запереть дверь и не впускать его, но я должна убедить его в своей вменяемости.

— Не поделишься планами своих изменений, — подни-

мается еще на несколько ступенек, и теперь мы стоим лицом к лицу на одном уровне. Глаза в глаза. — Я бы послушал.

Память подкидывает мне яркое воспоминание, в котором я бросаюсь на шею Ярослава и зацеловываю его лицо с шепотом, что я сильно скучала. Я помню его шершавую щетину под нежными губами, теплую кожу щек и пряный парфюм, от которого кружилась голова.

— Поделюсь, — отвечаю я и отступаю в сторону, пропуская Ярослава к входной двери, — выпьем по чашечке кофе.

— Заваришь тот самый? — он дружески усмехается.

— Твой любимый, — киваю я. — С бадьяном.

Глава 18. Сама!

Кресло неудобное, платье тянет в подмышках, в горле першит и кожа головы чешется. Я нервничаю. Я хочу сбежать, но вместо этого делаю глоток кофе, чтобы избавиться от сухости во рту, но теперь мне горько.

Надо было добавить хотя бы капельку молока.

— Значит, Катя тебе все-таки помогла, да? — Яр хмыкает.

— Это была твоя идея подослать ее ко мне?

— А чья же еще? — Яр вскидывает бровь. — Если женщины не слушают родных, то запускай подруг. И оказался прав.

— В очередной раз, — тихо соглашаюсь я и отвожу взгляд.

Мне больно на него смотреть. Был моим суровым огром, который во сне по ночам крепко обнимал и мило сопел в волосы, а теперь стал чужим. Теперь спит и видит сны рядом с другой.

Целует ли он ее по утрам в ушко? Дурачится ли, не позволяя вползти из-под одеяла, говорит ли ей, что он взял ее в плен и выпустит на свободу только за волшебный поцелуй?

Когда меня эти мысли отпускают? И отпускают ли? Я ведь могу быть из тех женщин, что любят раз, навсегда и вопреки.

— У меня вопрос, Яр, — я все же вновь смотрю на мужа, который скоро перейдет в категорию «бывший муж», — а если бы твой план с Катей не сработал, то ты бы действительно закрыл бы меня в психушке.

— Да, — четко и твердо отвечает Ярослав. — Подлечили бы тебе нервишки. Но... — вздыхает, — я рад, что обошлось без радикальных мер. Мозги у тебя все же включились. Даже интересно, что такого сказала тебе твоя Катя.

Поджимаю губы. Отставляю чашечку с недопитым кофе на блюдце, а блюдце возвращаю на журнальный столик. Выпрямляюсь.

Катя сказала все то же самое, что пытались донести мне Ярослав и дети. Я — мямля и слабая мягкотелая размазня, которая распугала подругам вечным нытьем, отвернула мужа жалобами и беспомощностью и надоела детям безволием.

Я считала себя мягкой, милой и заботливой женщиной, а оказалась каким-то слизняком в юбке.

— Я думаю, что у меня больше нет подруги, — пожимаю плечами и прикусываю кончик языка, чтобы сдержать слезы.

— Тебя опять обидели? — Яр вопросительно изгибает бровь.

— Дело не в этом, — мой голос становится тише, и он все же вздрагивает.

Я в дружбе не отдавала, а только брала. Я никогда ничего сама не предлагала, не проявляла инициативу. Например, самой позвонить и предложить позавтракать в каком-нибудь уютном кафе? Нет, это не про меня. Или поучаствовать в выборе зоны отдыха на субботу-воскресение? Устроить вместе с другими обзвон? Нет! Я не могу, я не знаю, куда звонить и не знаю, что спрашивать, а если меня все же настой-

чиво уговорили взять на себя хоть немного ответственности за совместный отдых, то...

То напрягала то дочку, то сына, то Ярослава. Они звонили, они ездили узнать и посмотреть локацию, они арендовали, ведь мама... мама — беспомощная дурочка, которая сделала бровки домиком и могла даже всплакнуть.

— Неважно, Яр... — я отказываюсь откровенничать перед почти бывшим мужем о моей дружбе из жалости, — Катя не должна тебя волновать.

— Верно, — не спорит и постукивает пальцами по подлокотнику кресла, — главное ты пришла. Ну, какие планы дальше?

— Развод? — усмехаюсь я.

— Ну, это нас в любом случае ждет, Лера, — смеется, — а кроме развода?

— Поищу работу? — неуверенно спрашиваю.

— Хорошо, — Яр одобряет мой ответ и прищуривается, — дети тебе помогут.

— Я сама хочу попробовать, — я смелею.

Может, я не такая слабая и никчемная? Но Яр не разделяет моей уверенности, судя по снисходительному взгляду и улыбке. Меня это неожиданно сильно обижает меня, как маленького ребенка, которому не верят, что он может сам завязать шнурки.

— Слушай, я и сам помог бы тебе с работой, — Яр пожимает плечами. — Тебе же просто надо отвлечься. Найдем

тебе чистенькое местечко...

Я поняла. Я буду той, кто сидит на рабочем месте неизвестно, за какие заслуги и получает зарплату, потому что кто-то из родственников — начальник. Да, будет именно так: пристроили тетку, чтобы не скучала дома в одиночестве.

— Я сама справлюсь.

— Ладно, — Яр примиряюще разводит руки в стороны, но в глазах я все равно вижу насмешку, — хочешь сама, то давай сама. Это будет для тебя полезно. Надеюсь, твоего боевого настроения надолго хватит.

Глава 19. Жестокая реальность

— Я вас даже не возьму посудомойкой, — усмехается Инна Александровна, — это смешно. Колени, наверное, уже подводят и спина, а суставу крутит на погоду.

Ярослав прекрасно знал, что меня ждет. Поэтому он так усмехался на мою тихую решительность, что я сама смогу найти работу.

Пятидесятилетние тетки, которые ни дня не работали в своей жизни, никому не нужны. Даже в посудомойки.

И да, очередной кадровик в агентстве по подбору персонала, права. Колени — начали, и смену у раковины я не отстою, как молодая козочка.

— Полы мыть? — Инна смотрит на меня с жалостью и презрением. — Даже поломоек ищут помоложе, чтобы прыти было побольше, энергии и скорости. Вы можете обижаться, Валерия, но возраст у вас уже не тот, чтобы все начинать сначала.

— Я могу попробовать няней...

Противно.

Какая я жалкая. Я даже подумать не могла, что поиск работы обернется вот таким унижением. И все, как один, говорят — тетки в вашем возрасте никому не нужны, потому что даже на должность уборщицы, которая драит туалеты в торговых центрах, есть очередь из молодых и энергичных, а я...

Я тетка-неликвид. Едва сдерживаю в себе слезы.

— Няней? — Инна смеется и лезет в один из ящиков стола. Выкидывает на него огромный стопку с папками. — Вот мои няни. И все с педагогическим образованием, опытом работы с детьми, с сертификатами, рекомендательными письмами. У вас хоть что-то из этого есть?

— Нет.

Ярослав знал, что я испытаю, когда продолжу играть в сильную и независимую курицу. Знал, как меня будут встречать. Знал, что многие будут буквально смеяться надо мной.

Я ничего не стою, и мои речи о том, что я все эти годы была домохозяйкой, вызывают лишь насмешку.

Меня тошнит от самой себя.

Я была той, с кем на торжественных ужинах разговаривали шепотом. Той, кому с благоговением подносили бокалы с дорогими напитками.

Той, кому в рот заглядывали, когда я приходила прикупить новые туфли, и эти самые туфли я даже сама не надевала: милая девочка садилась передо мной на колени и аккуратно с услужливой улыбкой надевала на стопу изысканную туфлю, а я в это время кушала клубнику.

А сейчас?

За широкой спиной Ярослава я забыла, какой этот мир на самом деле, и моя ценность в нем равна... нулю.

Сама по себе я ничего не стою. Без денег Ярослава, без его власти, без его милости и защиты я — никто.

— Ну, есть варианты, где не требуется никакого опыта, — Инна пожимает плечами. — например бахилы упаковывать по пакетикам. Или колпачки прикручивать к ручкам. Оплата, правда, мизерная. Даже если сутками расфасовывать бахилы, то и до минималки не дотянешь.

— Минималки? — уточняю я.

— Девятнадцать тысяч двести сорок два рубля, — поясняет Инна и прячет стопку “нянек” в ящик стола, — это, кстати, — поднимает на меня взгляд, — та самая зарплата, на которую вы в принципе и можете рассчитывать. Без опыта, образования, без рекомендательных писем...

— Девятнадцать тысяч? — в ужасе шепчу я. — И как же на них жить?

У меня глаз дергается, потому что я в прошлом месяце покупала комплект из пяти салфеток за двадцать пять тысяч рублей. Красивые такие салфетки, с вышивкой...

— Откуда вы такая взялась? — Инна откидывается на спинку своего потрепанного кресла, — вы, что, бывшая жена какого-то олигарха?

Я опускаю взгляд.

— Вот кому расскажи, ведь не поверят, — смеется. — Обратитесь к своим подружкам. Куда-нибудь да приткнут.

— Нет! — я аж вскрикиваю, а затем также резко перехожу на шепот. — Лучше в яму со змеями.

— Ну, украшения продайте, — Инна вздыхает. — Шмотки. Шубы. Туфли.

— Боюсь, это не мой вариант. Я... — хмурюсь. — Меня могут и дети устроить, и даже сам муж... Просто...

— Просто решили поиграть в сильную и независимую, — в голосе Инны проскальзывает разочарование, — решили устроить себе очередной аттракцион. Развлекаетесь.

Я кусаю губы. Мне нечего ответить, потому что со стороны все выглядит именно так, как сказала Инна. Развлекаюсь и пытаюсь доказать Яру и детям, что я чего-то да стою.

Я встаю и на слабых ногах плетусь к двери. Мой муж и жизнь умеют доходчиво объяснять людям, чего они стоят и кто они по жизни.

Я не выживу сама по себе, и мне придется у кого-то да просить помощи.

А как я бравировала перед Ярославом, что мне ничего кроме дома не надо. тьфу. Ну, дура!

И как смешно было Яру меня слушать, когда я обещала, что я сама справлюсь с работой.

Что сложного, да?

— Ну, что? — у крыльца бизнес-центра стоит мой сын, скрестив руки. — Есть успехи?

Он повез меня к рекрутеру по моей просьбе. Могла сама, но по привычке позвонила сыну, которого я очень часто дергала, чтобы он меня катал по городу. В последнее время часто отказывал на грани явной злости и присылал водителя, на что я обижалась.

Я на многое обижалась, что уж, и не понимала, что не надо

сына тревожить посреди рабочего дня.

— Видимо, не очень, — вздыхает он. — Я могу тебя устроить. Например, в архив...

— И кто-то другой будет мои обязанности выполнять? — спускаюсь к сыну.

Он смотрит в сторону, делает вдох и выдох и вновь смотрит на меня:

— Мам, ты большая молодец, что пошла на поиски работы, — старается говорить тихо, но раздражение все равно проскальзывает, — но это... бессмысленно? Знаешь, мы отец был прав, что стоило бы в этот раз устроить подставное собеседование. Тебя бы взяли куда-нибудь к знакомым разбирать бумажки и ты бы успокоилась.

Глава 20. Умная и хитрая стерва

— Я с миром пришла, Лера, — заявляет Элла на пороге моего дома. Сдержанно улыбается. — Ты же не станешь кидаться ко мне и рвать волосы? — смеется.

Не постеснялась и не побоялась явиться ко мне после моих страшных слов о том, что она может родить дауна или инвалид, и меня это шокирует.

Я бы не смогла так, но Элла — толстокожая крокодилица с милой и вежливой улыбкой.

Как всегда, она — сама элегантность. Сегодня на ней твидовый костюм с коротким пиджаком, а я перед ней стою в фартуке и косынке.

Вздрагиваю, когда срабатывает будильник на смартфоне в моей руке.

— Извини, но у меня сейчас пудинг сгорит, — отвечаю я Элле.

Я решила сегодня успокоить свои нервы готовкой, и мой выбор пал на французский луковый пудинг.

Пока резала лук, то без зазрения совести поплакала, и это не развод виноват, а химическая реакция.

— Нам все равно стоит поговорить, — вздыхает она, — один на один. Как женщина с женщиной.

Я торопливо шагаю прочь, но дверь перед Эллой не закрываю. Раз пришла, то я с ней побеседую.

Она будит во мне злость.

Дети и Яр ввергают в пучину отчаяния и тоски, а Элла играет на ревности, женском самолюбии и рядом с ней я закипаю гневом.

Может, гнев меня спасет.

— Я в курсе того, что на тебя сейчас насели с работой, — заявляет Элла, когда я вытаскиваю противень с горшочками, в которых запекся нежный воздушный пудинг.

— Так ты пришла поумничать?

— Ярослав может сильно давить, — воркует Элла, — но он лишь волнуется.

— Не надо мне рассказывать, какой у меня муж, — отставляю противень на разделочную доску и разворачиваюсь к Элле. — Я прожила с ним тридцать лет.

— Тогда ты должна понимать, что вся эта возня с твоим трудоустройством, не блажь, Лера, — Элла щурится. — А лишь попытка дать тебе новую опору в этой жизни, новую цель, дать общение. Если ты так хорошо знаешь родного мужа, то ты не должна удивляться тому, что он не мастер в разъяснении своих поступков. Он умеет только действовать...

Я аж приоткрываю рот. Сильно она по мне прошлась. Без жалости и лишних лживых улыбок.

Она ткнула меня рожей, что я не знаю и не понимаю Яра.

— И он действует сейчас так, как считает правильным. Жестко, да, но он мужик, — продолжает Элла, — и некоторые моменты в силу своего характера он упускает.

— Какие, например?

— Такие, что ты не примешь его помощи, — Элла пожимает плечами. — И то, что ты сейчас должна понять, какую новую жизнь ты хочешь. Где ты себя видишь. Чем хочешь заниматься.

Дрянь.

Хитрая и умная дрянь, которая говорит элементарные вещи, а я до них сама не дотукала. Я от злости на мудрую и рациональную Эллу аж дышу неровно и прерывисто.

Ненавижу ее.

— Вот, — она вытягивает из внутреннего кармана пиджачка белую визитку и поднимает на меня взгляд, — это отличный спец по профориентации, — кладет визитку на стол. — Вот кто тебе сейчас нужен. Поможет понять, к чему тебя тянет, чем было бы интересно заняться, кем ты себя видишь, а после подскажет те же, например, курсы, — мягко улыбается, — или определит стратегию и с чего начать.

— Мне не нужна твоя помощь... — сжимаю кулаки.

Элла меня унизила, и не оскорблениями, а адекватными и трезвыми советами, которые, действительно, помогут мне в жизни. Которые определяют мое будущее.

— Может, что-то в кулинарии у тебя получится, — она застегивает пиджак и кивает на горшочки с пудингом, — пахнет обалденно. И выглядит аппетитно. Знаешь, вот мне сразу пришло в голову... свои курсы по кулинарии организовать, м?

Хорошая идея, но ее придумал не я, потому что мой мозг заточен не на поиски решений, не на планирование моей жизни, не на борьбу против злой реальности, в которой я должна быть сильной и умно.

Я могу готовить вкуснейший луковый пудинг, но даже у меня не проскользнет даже мысли монетизировать мои умения, мой опыт и мои знания.

— Можно даже свой кулинарный канал завести, Лера! — восторженно охает Элла. — Господи, да я же сама залипаю иногда на то, как другие готовят!

Поэтому Яр и влюбился в Эллу.

Она яркая, энергичная и сильная.

— Я хочу, чтобы ты ушла, — тихо отвечаю я.

— Ну, хорошо, не кулинария, — она улыбается. — Ты же вроде рисовала? Можно в этом направлении копнуть.

— Зачем тебе это, Эля? Чего ты добиваешься? — спрашиваю я.

Она молчит несколько секунд, хмурится, закусывает губы и отвечает:

— Когда умер мой муж, мне никто не подсказал, как жить дальше...

— Только мой муж не умер, — цежу я сквозь зубы и делаю шаг к Элле, — он ушел к тебе. К тебе, Элла.

— Для женщины это еще хуже, — Элла не боится моей агрессии и взгляда не отводит, — но ты можешь быть счастливой. Без Яра.

— Уходи, — выдыхаю я. — Ко мне дочка скоро внуков привезет.

Я вскипаю. Я на грани, и Элла может не выйти живой из кухни, ведь на краю стола рядом с моей рукой лежит нож. Хваткий, удобный и очень острый.

— Неужели только Яр определял твою жизнь, Лера? — Элла вглядывается в мои глаза. — Неужели ты настолько жалкая?

Глава 21. Кто ты?

— Элла вся переживает, — хмыкаю я, покачиваясь на качеле, которую Яр соорудил и оставил для меня между двух яблонь в саде на заднем дворе. — Обо мне, и о том, что моя жизнь вся крутилась и крутится вокруг тебя.

Перевожу взгляд на Яра.

Он заехал за мной, чтобы мы вместе отправились регистрировать расторжение нашего долгого брака.

Непростительно долгого брака.

— Тоже очень хочет того, чтобы я стала самостоятельной, — усмехаюсь. — Смелой, сильной... Чтобы твоя совесть затихла.

— Возможно, она не должна была приходить к тебе, но ведь посоветовала тебе дельные вещи, Лер, — Яр пожимает плечами и затем вновь впери́вает в меня тяжелый взгляд. — Вместо того, чтобы прислушаться...

— Прислушаться к твоей любовнице?

— Да ты хоть кому-то сейчас способна прислушаться, а?
— Ярослав хмурится. — Тебе настолько все равно на себя, Лера?

Визитку Эллы я выкинула.

Да, она предложила ту стратегию, которую бы меня вытащи́ла из тоски по Яру, но разве я могу принять ее совету?

Это унижительно.

— Ты ведь такая не дашь ума ни деньгам, которые у тебя будут после развода, ни недвижке, — Яр разочарованно смотрит на меня. — Я и дети поэтому тебя трясем, чтобы ты... жила, мать твою, Лера! Сходила по собеседованиям, получила порцию реальности и опять засела дома! Опять тебя обидели, опять тебя испугали и всё, ты сидишь дома и прячешься от наших внуков срыданиями на кухне! Они уже даже шутят, что ты суп солишь слезами!

Он отворачивает и прижимает кулаки к вискам, пытаюсь справиться с гневом. Выдыхает:

— Это просто невыносимо, — переходит на рык, — и зачем я с тобой вожусь? Для чего? Чтобы опять лицо твое кислое видеть? Эти глаза умирающей коровы?

Оглядывается в диком разочаровании:

— Я же тебе пальцы ног целовал, Лера, — его начинает трясти от гнева, — я же часами мог любоваться, пока ты спала. Я от твоего голоса все забывал, а сейчас... — его гнев меняется на растерянность, — я ненавижу тебя.

Крепко вцепившись в цепи качели, я смотрю на него и слушаю его жестокие слова.

— Ты была моей девочкой, — он сглатывает и не моргает, — да, наивной, доброй, но не жалкой. Ты не была жалкой, Лера.

— Я не жалкая... — тихо говорю я.

— Я же тебя поэтому и трясу, — в его глазах проскальзывает то разочарование, которое рождается в сердцах людей,

когда они опускают руки, — чтобы вновь увидеть тебя. Ту прежнюю. Да, в чем-то глупую, в чем-то маленькую и слабую, но любопытную. Настойчивую. Мне надо оставить тебя в покое, — он медленно моргает и приподнимает брови, — вот такая ты теперь. Я не знаю. Может, это возраст тебя изменил, или я изменился... но я тебя не узнаю.

Была другой?

Возможно.

Я почему-то сейчас вспоминаю то, как Яр в конце десятого класса по моей просьбе таскал книги в библиотеке, потому что я решила, что нашей пожилой библиотечарше будет тяжело одной принимать учебники.

Я была очень мягкой, но настойчивой, а после того, как он закончил к девяти вечера, я его поцеловала за стеллажами в конце библиотеки и шепнула:

— Ты мой герой.

Я не распускала нюни и давила не на жалость, которая сейчас стала моей постоянной спутницей, а... вдохновляла?

Вдохновляла женственностью, нежность и мягкостью?

И как же так получилось, что все это извратилось в жалкую слабость, заискивание, навязчивость и какую-то липкую аморфность.

Яр поэтому так злится?

Он больше не чувствует того, чего ему дарила его милая и ласковая Лера? Вдохновения? Значимости? Желания носить меня на руках? Ощущения своей силы? Все это через года

стало чувством вины, раздражением и разочарованием, что я боюсь одна встретить даже курьера?

Я вскакиваю с качели на ноги и шагаю блеклой тенью мимо разъяренного Яра, который незаметно для самого себя потерял свою нежную вдохновляющую девочку.

— Замечательно, ты опять убегаешь! — в мужском отчаянии рывкает он мне в спину. — Опять рыдать?

Я оборачиваюсь:

— Мы едем за тем, чтобы все это закончить, Яр, — слабо улыбаюсь. — Ты же тут за этим, не забыл? Сегодня мы разводимся.

Хорошие мои! Приглашаю в новинку “Бывший муж. Я все еще люблю тебя” <https://litnet.com/shrt/uvym>

Осторожно! Книга о больной, зависимой любви. Здесь нет идеальных и правильных героев. Здесь больно, неправильно, очень сложно и на разрыв. Если я вас не напугала, то жду в гости

— Иди к папе, зайка!

Мой бывший муж подхватывает на руки румяную малышку. Она обнимает его за шею и что-то шепчет на ухо, а затем звонко смеется, запрокинув голову.

Не верю, что это Константин. Он все же вернулся в Россию?

— Папа, я люблю тебя, — малышка прижимает ладошки к лицу Константина. — Люблю как до луны и обратно, папа.

— Я все равно тебя люблю больше, — ласково шепчет в ответ.

Улыбается нежно. С любовью.

В груди что-то трескается. Больно.

Я непроизвольно пячусь, будто увидела призрака. Костя оглядывается. Он будто почувствовал меня.

— Мила, — перехватывает затихшую и настороженную девочку поудобнее, — здравствуй, — делает ко мне мягкий шаг по влажной траве, — рад тебя видеть.

— Вот вы где! — слышу голос той, кто четыре года назад украла у меня мужа. — За вами не угонишься... Фух... О, Мила, и ты тут?

Бывший муж вернулся в Россию из Европы на тридцатилетие нашего старшего сына. Его любовница стала законной женой, родила очаровательную дочку. После нашей встречи старые раны вскрываются и кровоточат, и я вновь вспоминаю слова, что Костя мне сказал перед тем, как уйти к другой женщине:

— Я тебя давно уже не люблю.

<https://litnet.com/shrt/uvym>

Глава 22. Помоги

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, — держу в руках свидетельство о расторжение брака и смотрю перед собой.

Вот и все. Тридцать лет брак больше ничего не стоял. Они будто были со мной в другой жизни.

Яр за рулем молчит.

Реальные мои желания далеки от слов, что я говорю.

Через боль, через этот надрыв в груди, я чувствую, что не хочу его терять, и это желание извращенное и липкое.

Это и есть отчаяние, в котором женщины читают статьи “Как вернуть мужа”, платят деньги коучам за их уроки “Как стать желанной для бывшего” или устраивают слежку за новой жизнью любимого.

Но я не буду пробивать это дно, потому что тогда я уже разочарую саму себя. Предам саму себя. Предам ту девочку, мягкую, что пусть и говорила всегда тихо и скромно, но не позволила бы так унижаться.

Та девочка верила в то, что она будет рядом с человеком только по взаимной любви, а если нет любви, то...

Не надо навязываться.

Любовь она про другое. Она и не о слезах, и не тоске, а о вере в лучшее. Даже после развода.

Именно это однажды и завоевало сердце Ярослава. Вера в

лучшее, мечтательный позитив и надежда даже тогда, когда я плакала и когда меня обижали.

Я никогда не была бой-бабой, но и той, кем я стала к пятидесяти, тоже не обо мне. Я истерю, впадаю в панику, отчаиваюсь до невымытых волос и грязи под ногтями, и что-то делаю лишь тогда, когда меня пинают.

А как не пинать, если я была готова умереть среди мусора и грязи?

— Яр...

— Лера, я сейчас пытаюсь быть честным. Я не понимаю, как быть сейчас с тобой. Да, я волнуюсь за тебя, и ты мне не чужой человек. Где-то могу быть жестким, да, но... — сжимает руль крепче и хмурится на дорогу, — тебя может заносить, и если тебя не контролировать... Мы поэтому и пытаемся... заставляем, но ты никого не слушаешь. Я просто не понимаю, как тебе помочь...

Краем глаза на обочине я выхватываю темное пятно. Доля секунды, а Яр гонит машину на бешеной скорости.

Что я увидела, я не знаю, я громко и яростно кричу:

— Останови! Останови! — бью Яра по плечу.

Он с матом растерянно выругивается, резко сворачивает на обочину и рывкает:

— Какого хрена, Лера?! Ты что творишь?!

Бросив свидетельство о расторжении брака на приборную панель, я торопливо отстегиваюсь с тихим щелчком.

— Лера?! Вот так ты решаешь проблемы?! — гаркает на

меня Ярослав. — Почему ты такая?!

— Не ори, — тихо и уверенно говорю я без тени слез или печали. Мягко, без истерик. — Я что-то увидела.

Вот так я с ним обычно разговаривала, когда он заводился яростью и напрягался, и мой тон его успокаивал.

Вот и сейчас он недоуменно моргает и не рычит. Только шумно выдыхает через нос, нахмурившись.

— Я тебя не понимаю...

Я выскакиваю на обочину под порыв прохладного ветра. Солнце слепит. Прикладываю ладонь ко лбу и пытаюсь хоть что-то разглядеть за клубами пыли, что поднимают машины.

Шагаю, а потом перехожу на бег, ведомая невидимой силой, и через метров десять я что-то вижу.

— Лера!

Что-то мохнатое и в крови.

— Черт, — шепчу я и ускоряюсь.

— Лера, это глупо убегать вот так! И куда ты бежишь?

А я сама не знаю, но с каждой секундой становится все страшнее и страшнее.

Это собака. Грязная большая собака, под которой прибитая земля потемнела от крови. Она дышит с открытой пастью, из которой течет вспененная кровавая слюна. Глаза мутные, серая жесткая шерсть слиплась в клоки.

Грудь тяжело поднимается.

— Господи...

Я произвольно делаю шаг к собаке, но меня рывком дер-

гает к себе Яр:

— Ты сдурела?!

Собака хрипит.

Я оглядываюсь на Яра. Он весь напряжен, а тяжелый взор устремлен на собаку. Челюсти крепко сжаты.

— В машину, — он опять дергает меня за собой и решительно шагает прочь.

— Она умирает! Ее надо забрать!

Я сама ее не подниму. В ней килограмм сорок, и куда я ее потащу, даже если умудрюсь поднять?

— Кто-нибудь другой поможет!

— Яр!

— Или позвонишь в машине в ветеринарку. Приедут и заберут, — рычит он.

— Она умрет, ты не понимаешь?

— Естественный отбор, — он тащит меня за собой. — Одной блохастой псиной меньше...

Это сейчас в нем говорит страх из детства. Инстинкты его гонят прочь от собаки и, возможно, он даже чувствует в руке, которую разодрали однажды острые зубы, боль.

— Ты не знаешь, как мне помочь?! — кричу я. — Вот помоги сейчас! Сейчас!

Он резко останавливается и разворачивается ко мне. Глаза горят, как в лихорадке. Лицо побледнело, а на лбу выступила испарина. Сжимает мою ладонь до боли.

— Пожалуйста... — едва слышно говорю я, и мои слова

заглушает гул машин, что мчатся мимо. — Никто из них не остановится. Всем все равно, Яр... — смотрю в его глаза без слез и криков, — помоги мне.

Глава 23. Спасибо

Я прошу Ярослава о невозможном.

В детстве после нападения бродячей собаки он замолчал на год. Никто его не мог разговорить. Ни родители, ни психологи.

Этот страх перед кровавой клыкастой пастью засел в том уголке души, которую никто так и не смог растопить и согреть.

И этот страх на уровне инстинктов и рефлексов, и мои слова не убедят Яра, что собаку надо спасти.

Ветер треплет мои волосы.

Времени мало.

Собака умирает, и счет идет на секунды.

Яр белеет, тени под его глазами становятся темнее, а черты лица заостряются. Он весь вздрагивает, уголки губ дергаются, будто ему сейчас под ребра вонзили нож.

Я пугаюсь.

На лбу набухает пульсирующая венка.

Я его таким еще не видела. За все тридцать лет нашей совместной жизни он никогда так не бледнел.

Он грубо отталкивает в сторону. Я чуть не падаю.

Стягивает галстук и, хрустнув шейными позвонками, шагает к собаке. Шаг напряженный, размашистый и решительный.

Так идут к краю пропасти, чтобы с нее спрыгнуть.

У меня даже спирает в груди, словно я сама вдохнула частичку холодного ужаса Ярослава.

Когда до собаки осталось всего пара шагов, Ярослав растягивает галстук двумя руками.

Он ее задушить решил?!

Он не любит собак.

И не считает их теми, кем их называют — друзьями человека. Они твари, которых надо отстреливать. Особенно больших, которые могут разорвать даже мужчину на куски за минуту.

Никакой к ним жалости.

Кидаюсь за Яром, но тут же торможу, когда он резко наклоняется к собаке и быстрым движением перевязывает полуоткрытую пасть галстуком.

Я не вижу его лица, но чувствую ту судорогу ужаса, что пробивает его затылок и проходит по обе стороны позвоночника, когда раздается глухой слабый рык.

Ярослав молча, немного неуклюже, но все же решительно подхватывает собаку, которую по размерам можно сравнить с теленком, на руки.

Я бы точно не подняла. Да и не каждый мужик, если честно, но Яр крупнее и крепче. Он же огр. Большой, сильный и злой.

Рык становится громче, сменяется утробным скулежом, похожим на стон и плач, и прикрываю рот рукой.

Яр разворачивается в мою сторону. Смотрит вперед, не моргает, а глаза будто стекляшки.

Собака на его руках дергается, рычит, и Яр отвечает ей не словами, а тоже низким и каким-то гортанным рыком, словно он сам не человек, а зверь.

На секунду я выпадаю из реальности.

Широко распахнув глаза, я смотрю на Ярослава и не верю в то, что вижу: он несет на руках раненую большую собаку размером с теленка.

С его виска скатывается капелька пота.

Ноздри широко раздуваются

Челюсти крепко сжаты. Тяжело сглатывает.

Ему холодно от страха, его тошнит, и, возможно, даже голова кружится от дезориентации, которую он поймал, когда поднял собаку на руки, но он шагает вперед.

Шаг за шагом.

Понимаю, что когда я требовала от него помочь, я не верила в то, что он поможет. Что он способен перешагнуть через многолетний страх и ненависть к “мохнатым тварям”.

Бросаюсь к машине, открываю заднюю боковую дверцу и отступаю с пути, продолжая смотреть на Яра круглыми глазами.

Он подходит, заносит верхней частью тела в салон и укладывает собаку на заднее сидение, а после захлопывает дверцу и обходит машину.

Так и молчит.

Я возвращаюсь в машину.

Яр также без слов пристегивает ремень безопасности. На меня не смотрит. Его стеклянный взор направлен перед собой.

Он сейчас не со мной.

Я оборачиваюсь на собаку, а та тоже косится в на Яра напряженными и испуганными глазами и тяжело дышит через нос. Тоже молчит. Ни рыка, ни скулежа.

— Яр, — кидаю настороженный взгляд на бывшего мужа, — ты в порядке?

Он не отвечает.

Заводит машину.

Весь лоб, виски и шея в мелкой испарине. На рубашке расползлись следы крови с клочками грязной шерсти.

Салон машины заполняется вонью собачьей крови, мочи и амбре сладкого гниения.

Замираю, задерживаю дыхание, и я распахиваю веки шире.

На тонкой ткани рубашки у груди Яра вздрагивает белый мясистый опарыш и падает ниже на живот к ремню.

Яр так и молчит. Машина медленно трогается с места.

Я хочу закричать, но вместо этого я опускаю стекло, с отчаянной силой нажимая кнопку стеклоподъемника, а затем подхватываю кончиками пальцев опарыша и вышвыриваю эту мерзость на улицу.

Яр так и не говорит. Сжимает руль до побелевших костя-

шек пальцев и не моргает.

Я вновь оглядываюсь на собаку, а она так и продолжает с опаской коситься на Яра и шумно выдыхать, выпуская из ноздрей кровавые пузыри.

Потом опять смотрю на Яра.

Сердце отбивает несколько сильных ударов, которые отдаются в желуде и легких теплой волной благодарности.

— Спасибо, — шепчу я.

Яр не отвечает, лишь короткие ресницы едва заметно вздрагивают.

Глава 24. Закончу тут

— Девочка в очень плохом состоянии, — милая ветеринарша с короткими кудрявыми волосами слабо улыбается. — Ребра сломаны, лапу переднюю придется собирать из осколков... Часть правого бедра вся в опарышах. Сильное истощение...

Закрываю рот ладонью и замираю, когда мощная тяжелая рука приободряюще приобнимает меня.

Так бывало в прошлом.

Например, когда нас с Ярм вызвали в садик. Испуганная воспитательница вывела к нам дочку с синяком под глазом и остриженными пучками на висках: она на тихом часу умудрилась подстричь себе волосы, другим детям, а после навернулась с горшка лицом в пол, потому что заснула.

Яр тогда также меня обнял, чтобы успокоить. Чтобы забрать часть шока себе.

Через руку на моих плечах я чувствую, как Яр тоже замирает и напрягается.

Похоже, он сам не понял, что обнял меня, а когда дошло, то уже поздно дергаться.

Я поднимаю на него взгляд.

У него получилось.

Он отвлек меня от собаки на себя.

Опять в этом большом несправедливом мире на секунду

только его вижу четко и явственно.

Под внезапными и неосознанными объятиями тепло и уютно. И совсем нестрашно, потому что Яр вновь рядом, а если он рядом, то все будет хорошо.

Яр разрулит любую ситуацию.

Яр решит любой вопрос.

Яр устранил любую проблему.

Но... его руки больше не мои, и эти спонтанные объятия, которые вырвались из него по привычке, лишь эхо его ушедшей любви.

— Все нормально будет с этой псиной, — говорит он, наконец, и все же убирает руку с моих плеч.

Я же отступаю на полшага в сторону.

Горько.

Он для меня теперь бывший муж.

Может, было бы для нас лучше, если бы он оставил меня с умирающей собакой на обочине и уехал, ведь тогда он перестал бы быть для меня человеком, но он... не бросил.

Переборол детский ужас перед собаками и вновь напомнил мне, кем он был для меня.

Мужчиной с большой буквы.

Ветеринарша настороженно замолкает, замечая наше неловкое напряжение и то, как я, опустив взгляд, отступаю от Яра, будто он мне враг. Будто я его боюсь.

— Мы только после развода, — оправдываюсь я.

— А ей это зачем знать? — неожиданно грубо и резко

интересуется у меня Ярослав.

Я даже пугаюсь его раздраженного тона. От него все еще воняет мочой, гнилью и грязной шерстью, будто он побывал в логове мертвой волчьей стаи.

— Мне ваш статус не важен, — подает тихий и растерянный голос ветеринарша.

— А что тебя волнует?

У Яра явно выброс адреналина и агрессии после стресса.

С ним такое бывало и раньше, поэтому я касаюсь его тыльной стороны ладони, чтобы успокоить, как успокаивала раньше.

Я делаю это на автомате. Непроизвольно, потому что мы с Яром прожили вместе целые десятилетия, и я не раз приводила в чувство тем, что касалась его руки.

Теперь его очередь застыть и замолчать, почувствовав мою теплые пальцы чуть выше окровавленных костяшек.

— Меня интересует, кто заплатит, — отвечает ветеринарша, немного осмелев, — и кто потом собаку заберет, если она выживет.

Ярослав поворачивает лицо ко мне и тяжелым взглядом прибавляет к белой плитке пола.

Медленно убираю свою ладонь с его ладони, и прячу руки за спину под его темным взглядом, в котором я читаю хмурое недоумение.

Да, он должен был бросить меня и собаку.

Тогда бы он убил во мне любовь к нему.

Вероятно, для этого и послала судьба мне сбитую бездомную собаку, чтобы Яр стал для меня никем через смерть живого существа на моих руках, но мой бывший муж наплевал на планы высших сил, которые хотели излечить меня от любви и боли.

— Я заплачу, — отвечает Яр и шагает по светлому коридору к стойке, за которой скучает администратор и по совместительству кассир клиники.

Яра напряженными взглядами провожают другие посетители и их кошки с собаками. Никто не мяукает, не скулит, не рычит.

Даже не верится, что когда-то этот большой и страшный огр был маленьким мальчиком, на которого напала бездомная собака и напугала так сильно, что он на год замолчал.

— Спокойно, Муся, — шепчет тощая старушка в ушко белой кошечки, которая вцепилась в ее острые коленки когтями, — страшный дядька ушел. Я ему тебя не отдам.

Яр расплачивается крупными купюрами, и я мысленно удивляюсь тому, что спасать животных — недешево. Совсем недешево, учитывая, сколько пятидесятирублевых купюр Яр сейчас отсчитал.

— Тогда, оставьте свой телефон, — ветеринарша прячет руки в карманы халата, — я вас буду держать в курсе состояния собаки.

Через пять минут я выхожу на крыльцо ветеринарной клиники. Яр стоит внизу спиной ко мне и говорит по телефону.

Не слышит, что я притаилась у входной двери ветеринарной клиники.

— Да, — хмыкает, — все, я официально свободен, — пауза, и голос Яра становится ниже. — Готовь язычок для поздравлений.

Дверь скрипит. На крыльцо выходит парень с переноской, в которой пищат котята.

Яр оборачивается, наши взгляды пересекаются, и он говорит в трубку:

— Мне только надо закончить с Лерой. Верну домой, — продолжает смотреть мне в глаза, — и к тебе.

Глава 25. Бешеный

Ярослава ждет после развода другая женщина. Он придет к ней в собачьей крови, моче, шерсти.

Элла ойкнет и потащит его в ванную комнату. Разденет, поведет тв душ и там с кокетливой улыбкой опустится перед моим бывшим мужем на колени. Я вижу эту картинку четко и ярко и не могу пошевелиться, будто моя фантазия стала реальностью.

Женщинам после развода любят говорить:

— Отпусти.

— Забудь.

— Ну и пошел он!

— Вырви из сердца.

Говорить такие глупые слова — это не проживать развод. Не проживать предательство.

Мы все умные, когда больно кому-то другому, а сейчас мне очень больно, потому что я осознаю страшную для женщины правду — я осталась без любимого мужа.

Мой любимый мужчина устал от меня.

Для любимого мужчины я стала навязчивой жалкой дурочкой, от которой тошнит.

— Поехали, Лера, — командует Яр и прячет телефон в карман брюк. — Мы же закончили с этой псиной?

— Да, — спускаюсь медленно по ступенькам. Ног почти

не чувствую и боюсь споткнуться. — Меня будут держать в курсе.

Размашисто шагает к машине, и я вдруг понимаю, что...

Я хочу, чтобы Элла сейчас нервничала и ждала Ярослава с мыслями, что он слишком уж задерживается рядом с бывшей женой.

Она списала меня со счетов.

Эта наглая дрянь уверовала в то, что я больше не соперница и в то, что не надо беспокоиться, если Ярослав занят моими проблемами, ведь жалкая и никчемная Лера не способна на провокации.

— Лера, — Яр оглядывается.

Я стою в нескольких шагах от него и крепко сжимаю ручку сумки. Как я могла позволить случиться тому, что мой муж перестал видеть во мне женщину?

И ведь проблема даже не конкретно в Ярославе, который эти два года боролся с отвращением ко мне в постели, но и в других людях.

Сын и дочь.

Мои подруги.

Да даже наши соседи очень напряженно чувствовали себя рядом со мной, когда я заглядывала к ним по-соседски поболтать.

Я всех достала.

— Ну, что опять, Лера? — Ярослав хмурится.

Поэтому Эллочка сейчас не парится, что Ярослав решил

отвезти меня домой. Да разве в нем может что-то дернуться на приставучую противную тетку, которая много ноет, жалеет себя и обвиняет всех вокруг, что ее никто не ценит и не любит.

— Прости, — я спешно обхожу машину.

Да, я, может, не роковая красотка, которая заставляет мужиков дарить дорогие подарки и не спать ночами, но и быть той, к кому есть только презрение, я не хочу.

Элла обязана нервничать, когда Ярослав находится рядом со мной.

Должна чувствовать себя уязвимой.

Слабой.

Неуверенной.

Я хочу, чтобы у нее дергался глаз, когда Яр говорил:

— Надо помочь Лере. Она попросила отвезти ее в зоомагазин.

Я хочу, чтобы она скандалила с Ярославом с битой посудой и криками:

— Выбирай, она или я! Хватит отвечать на ее звонки! Хватит! Она тебе бывшая жена! Да что ты с ней нянчишься?

А то легко решилась от меня отделаться.

Даже заявила ко мне домой и давай учить, как я должна жить, чтобы я отстала от Ярослава и оставила его только для нее.

Стерва.

Вот что мне не понравилось в ее гнилых советах. Желание

избавиться от меня. Желание того, чтобы я, гордая и независимая, не выдергивала Яра из ее загребущих лап.

Не мешала ей и ее сладкой жизни с моим бывшим мужем. Да как бы не так, гадина.

Решили, что я слабая клуша?

О, тогда я воспользуюсь этой ролью!

Не слишком ли жирно будет, если я скроюсь в тумане, вся такая крутая и самостоятельная, а ты, Эллочка, живи и наслаждайся любовью и близостью моего мужа?

— Лера, — говорит Яр, прищурившись на меня с другой стороны машины. — Садись уже. Все с твоей псиной будет нормально. Лапу соберут, опарышей достанут, залатают... — его верхняя губа дергается в отвращение и он садится за руль, резко замолчав.

Это же мечта любой любовницы: жена исчезает из жизни бывшего мужа и не мешает их лямуру-тужуру.

Хорошо устроились.

Ныряю в салон и застегиваю ремень безопасности.

— Я не думаю, что ты справишься с этой псиной, — заявляет Ярослав.

— Ну, с тобой тридцать лет прожила же, — отвечаю я. — С тобой как-то справлялась.

Молчание, и Яр медленно поворачивает ко мне лицо, удивленный моей дерзостью.

Надо сказать, я тоже обалдела. За невеселыми мыслями я потеряла контроль, и вместо тихой мягкости из меня вы-

стрелил горький яд.

Смотрю перед собой и делаю вид, что ничего такого оскорбительного не сказала.

— Ты тот еще бешеный пес был, — тихо продолжаю я и медленно моргаю.

Какого черта я говорю? Это меня так язычок Эллы выбесил?

И вот такая моя истинная ярость? Это не крики и не перевернутая мебель. Я в очередной раз ошиблась в себе.

Мой гнев не орет, не плачет, не визжит.

— Что ты сказала? — голос Ярослава понижается до злой хрипотцы.

Теперь я поворачиваю лицо к Яру:

— Я тридцать лет прожила с бешеным кобелем, которого я держала все эти годы на коротком поводке.

У меня был другой план! Черт! Я же хотела не выбешивать Ярослава, а задолбать его его своей беспомощностью и вечными просьбами со слезами и на грани истерики помогать мне во всякой ерунде.

— Ты, что, несешь, Лера? — переходит почти на рык.

— Это не тебя надо поздравлять с разводом, — я не моргаю, — а меня. Может быть, я этого и хотела? — вопрошаю я. — Избавиться от тебя? М? Чтобы ты сам сбежал?

Глава 26. Разошлись

Я никогда не грубила.

Во мне нет той агрессии, которая подпитывает резкие оскорбления, язвительность и высокомерие.

Я сейчас после слов о том, что Ярослав — бешеный пес, я удивлена и растеряна.

Как маленький ребенок, который в первый раз попробовал кислую конфетку. Новые незнакомые ощущения, широко распахнутые глаза и обалдевший мозг, который не понимает, что сейчас произошло и как он мог допустить грязные и грубые слова в сторону Яра.

Яр же тоже завис на пару секунд, вскинув бровь.

Между нами прежде не было такого озадаченного молчания, в котором мы уставились друг на друга, как на странных незнакомцев.

Я однажды смотрела документальный фильм про обезьян, и меня очень повеселил момент, когда мартышка и бонобо впервые увидели друг друга. Два разных вида внезапно столкнулись на одной ветке и знатно обалдели друг от друга.

Вот и мы также с Ярославом обалдели.

— Поехали, Яр, — говорю я и делаю вид, что моему бывшему мужу мои острые и язвительные слова послышались. — Я устала, а ты торопишься.

Поправляю ремень безопасности на груди и невозмутимо

смотрю перед собой, а Яр заводит машину, которая медленно и с тихим шуршанием шин двигается назад.

Напряженно кошусь на Яра, который в мрачном замешательстве хмурится в зеркала заднего вида.

Его мозг еще не переварил мои слова, поэтому и гнева нет.

Он столкнулся с тем, что в его жизни еще не было. С моей ядовитой язвительностью и колкой грубостью.

Я же никогда не позволяла себе говорить ругательства, и меня не тянуло к издевкам.

Представьте: у вас есть любимая подушка. Мягкая, уютная теплая, вы годами спите на ней, и вдруг вашу щеку пронзает игла.

Ваша реакция?

Недоумение.

Мне и самой надо переварить свои слова, которые я ляпнула, не подумав, а истина она всегда внезапная и вырывается она из человека в самые неожиданные моменты.

— Бешеный пес, который должен был сбежать сам? — хмыкает, наконец, Ярослав через минут десять нашей молчаливой поездки.

Я вся внутренне сжимаюсь. Его тихий спокойный тон сигнализирует мне, что мой бывший муж пребывает в той ярости, от которой может вспыхнуть синим огнем воздух.

Я даже кожей чувствую вибрации его гнева, что переворачивается в его груди черным зверем.

Я молчу.

Прикидываюсь глухонемой, потому что сейчас это лучшая тактика с Ярославом. Я только вздыхаю и продолжаю пялиться немигающим взглядом на грязный бампер старенького хэтчбека впереди нас.

— Ну, ты прекрасно справилась, — хмыкает Ярослав. — Я ведь в последнее время только и искал повод сбежать от тебя и не видеть. Не слышать. Не чувствовать. Не дышать рядом с тобой.

Ну, я должна была ожидать того, что после моих смелых оскорблений я получу в ответ не менее противную, злую и мужскую правду.

— Поздравляю, — смеется Ярослав, и я немного приподнимаю подбородок, — ты добилась своего, Лера, но, может, тебе стоило раньше раскрыть рот, и не было бы этих двух лет, а?

Кидает на меня взбешенный черный взгляд и сжимает руль так крепко, что вена на тыльной стороне ладоней вздуваются синеватыми змейками.

— Может, стоило сказать про бешеного пса года два назад? То есть... — он замолкает на несколько секунд, проводит ладонью по шее, на которой выступила мелкая испарина, — и повышает голос, — мне не стоило жалеть тебя эти два года, уговаривать себя идти к тебе на твои тупые ужины, на которых ты мне скармливала вечные жалобы о том, что ты, бедная несчастная, уже две недели ждешь какую-то сранную скатерть...

— Из австрийского льна, — напоминаю я тихо, — выращенного в регионе Мюльфиртель.

— Да насрать мне на твои скатерти, салфетки! — от рева Ярослава вибрирует машина.

Сейчас из него вырывается то, что он мне хотел гаркнуть на том ужине, когда я печально вздыхала о скатерти, которую никак не могли отправить из Австрии, но вместо этого он напряженно улыбнулся, стискивая вилку в пальцах, и сказал:

— Я решу этот вопрос, дорогая.

И он решил. Эту дурацкую скатерть за сто тысяч рублей мне привезли вечером следующего дня. Самолетом отправили.

Кстати, я ее так и ни разу не постелила. Я о ней забыла.

Забавно. Закусываю губы до боли и выдыхаю через нос.

— Ты мне жрала мозг каждый день чайной ложкой, — клокочет Ярослав. — В некоторые моменты я думал, что я тебя задушу голыми руками, Лера. Или... подойду сзади, когда ты опять ноешь, ласково обхвачу твою тупую голову ладонями и... сверну шею, — он смеется, а затем резко замолкает и щурится вперед.

Вот во что превратился за годы наш брак. В ужины, на которых приставучая жена жалуется на дорогие скатерти, а муж в это время думает, как бы ее заткнуть раз и навсегда.

— Но это уже все неважно, — верхняя губа Ярослава дергается, — теперь меня ждет другая женщина. Я должен сказать тебе спасибо.

— За что? — тихо интересуюсь я.

— За то, что показала, какой не должна быть женщина, — хмыкает. — И да, теперь я соглашусь. Наши пути разошлись.

Глава 27. Придурь

— А не боишься, что его переклинит на бывшей жене?
— спрашивает Маша и смахивает мягкой кистью с пальцев пыль старого гель-лака. Внимательно осматривает мои ноготки и поднимает взгляд. — Не слишком уж ты спокойная?

Я с Машей уже лет десять.

Ручки у нее золотые. Маникюр делает божественный, и я бы даже могла назвать ее подругой, но я придерживаюсь мнения: женской дружбы не существует.

— Ты бы видела эту бывшую жену, — с легким осуждением вздыхаю я. — Там точно переживать не надо.

Смеюсь.

Маша в ожидании подробностей приподнимает бровь, над которой торчит выпуклая багровая родинка. Как же она меня бесит. Отвлекает и раздражает. Так и хочется взять скальпель и срезать без местной анестезии.

— Она никакая, — вздыхаю я и с усилием воли смотрю в серые любопытные глаза Маши. — Тетка-рохля. Знаешь таких? Ноет, страдает, всё ей не нравится, любит поплакать...

— Знаю, — кивает Маша и приподнимает руки в защитном жесте, с осуждением округлив глаза, — боже упаси о таких. Есть одна такая клиентка. Это же ужас.

Цыкает и откладывает кисть в сторону и подхватывает пилочку:

— Но она, правда, такая? — Маша с подозрением щурится. — Или твой просто для красного словца наплел? Мужики же они такие, — кривит губы, — любят бывших обосрать.

Но Ярослав никогда сам вслух не жаловался на Леру, и от него лично я слова плохого не слышала.

Никогда ее со мной не обсуждал, но для меня и не нужны были от него жалобы, чтобы понять: она его достала.

Достала до глухого и отчаянного рыка, когда она звонила посреди важных для него переговоров, и жаловалась о том, что садовник криво постриг кусты на заднем дворе. И нет, Лера совершенно не воспринимала слова Яра о том, что он перезвонит и что можно, например, позвонить в управляющую компанию и пожаловаться напрямую. Нет. Она обижалась, и после таких звонков Яру требовалось около минуты тишины, в которой он сидел неподвижно, сжав переносицу и закрыв глаза.

Удивительная женщина, которая совершенно не приспособлена к этой суровой и жестокой жизни.

А еще она очень глупая. Будь умной, то не удивлялась бы тому, что муж от нее сбежал, и сейчас, отказываясь от того, чтобы быть сильной женщиной в разводе, она продолжает отворачивать от себя Ярослава.

Это же надо довести любящего мужчину до отвращения.

— Значит, маникюрчик в честь развода любимого? — улыбается Маша и начинает подпиливать ногти с мизинца.

— Я должна встретить его при параде, — подмигиваю. —

Не думала, что...

— Что? — заинтересованно спрашивает Маша.

— Что я еще способна чувствовать этот азарт, — задумчиво поясняю я, — после смерти Сережи... Я вновь живая.

— Многие тебя не поймут, — голос Маши становится тише, — он же был женат...

— Мужика, который любит, — хмыкаю я, — ничем не завлечь, Мария, — голос у меня становится строгим и экспертным, — там от слова женат был только штамп в паспорте, но не в сердце. Стыдно мне? Нет, — качаю головой, — эта дура сама все привела к тому, что с ней было невозможно даже дышать рядом.

Таким теткам, как Лера, надо уяснить одну важную истину — мужик не папочка, который должен вытирать сопли.

Он — мужик.

Его надо трахать.

Его надо поддерживать.

Его надо слушать.

Его надо хотеть, а не истерить ему, что в магазине не было туфель твоего размера.

И ведь Лера не одна такая дура, которая спустя годы превращается в нечто аморфное и противное. Во что-то, чей голос вызывает брезгливую тень в глазах.

Это проклятье многих женщин после сорока пяти, будто у них мозги плавятся.

Будто инопланетяне похищают и меняют настройки в го-

лове.

У меня несколько хороших знакомых к пятидесяти начали меняться. Одна решила, что можно больше не следить за фигурой и питанием, потому что уже смысла нет и муж стерпит складки жира на животе и чесночную отрыжку.

Другая ударилась в сектантство и потеряла последние мозги, превратившись в блаженную идиотку, которая по утрам пьет собственную мочу ради здоровья.

Третья решила поменять жизнь к лучшему и начала тратить деньги на самообразование. Кучу бесполезных курсов прошла, дома не появляется, вечно на каких-то лекциях то о женственности, то об инвестициях, то о маркетинге и даже об искусстве средневековья.

Надо ли говорить, что все они пришли к разводам? Надо ли говорить, что мужики не смогли быть рядом с чокнутыми женами, которые никого не слушали? Ни родственников, ни друзей, ни детей, а ведь были до всех этих странных метаморфоз нормальными. Чуть с придурью, но эта придурь была даже очаровательна.

— Так когда свадьба? — Маша вновь поднимает хитрый взгляд. — Когда будем делать маникюр невесты?

Глава 28. Тебе не идет

Я вновь вспоминаю то раздражение и презрительный гнев к Лере, когда она открывала рот и топила меня в женских липких капризах.

Я ее в мужском отвращении ненавидел ее, и, увы, я не лгал, когда сказал, что я периодически хотел задушить ее и заткнуть.

Что же теперь я знаю, что она специально выводила меня из себя. Надо было догадаться, но какой мужик способен отгадывать эту хитрую женскую душу?

Да никакой.

А с Лерой мало того, что ни черта не угадаешь, так еще и нервный тик можно заработать от ее звонков.

Это же надо привести все к тому, чтобы натренировать меня своим нытьем на незамедлительные вспышки гнева, когда высвечивалось ее имя.

Вот значит как женщины расстаются.

Они доводят мужей, а потом разыгрывают печальных страдалиц и несчастных жертв, которых несправедливо бросили и обидели.

Ну, с другой стороны, это в духе Леры. В стиле ее слабости и трусости, которая устала, бедняжка, от бешеного пса.

Достает из бокового кармана сумочки лимонную карамельку и с тихими шуршанием разворачивает обертку, и ме-

ня накрывает воспоминание из прошлого, в котором я рядом с Лерой кайфовал от каждой секунды.

Одиннадцатый класс, теплый апрельский полдень. Последние три урока отменили, и мы с Лерой идем через парк по домам.

Она лезет в карман короткого желтого пальто и достает лимонную карамельку. Когда она закидывает ее в рот, она тихо спрашивает:

— Может, ты тоже хочешь?

— Хочу, — отвечаю я.

Она опять лезет в карман, но я решительно и нагло сгребая ее в охапку, а после бессовестно целую и высасываю из ее рта кислую карамельку и кончик острого язычка.

Затем я отпускаю шокированную и красную Леру и невозмутимо шагаю дальше. Это был наш первый взрослый поцелуй, в котором я позволил себе попробовать на вкус ее язык.

Как же сердце тогда стучало, а кровь пульсировала в венах жидким расплавленным железом. Хотелось кричать и хохотать в небо, раскинув руки.

— Яр! — возмущенно охнула тогда Лера, а когда я оглянулся, то резко замолкла и поджала губы, испуганно распахнув глаза.

Я до сих пор помню вкус того поцелуя. Кисло-сладкий.

Рот наполняется слюной, а Лера рядом будто в издевку причмокивает губами, посасывая карамельку.

Надо оставить тут смущенную девочку с пунцовыми ще-

ками в прошлом. Зачем я о ней вспомнил сейчас. Столько лет прошло, и девочка-то давно превратилась в противную тетку, у которой и интонации в голосе поменялись с тихой нежности на растянутые стенания.

Торможу на перекрестке, ожидая, когда красный свет сменится зеленым. Лера рядом подозрительно затихла.

Она держит в пальцах обертку от лимонной карамельки и, зло поджав губы, буравит ее взглядом.

Ей совершенно не идет рыжий цвет. И короткая стрижка. Я понимаю, чего хотела добиться от Леры наша дочка такими экстравагантными переменами, но мне не нравится ее новый образ.

Она никогда не была мужикоподобной и дерзкой стервой, и ее красота была в мягкости, плавности и нежной загадке, а сейчас шея открыта и линия челюсти и подбородка заострилась.

Как ее муж, я бы не оценил таких перемен и запретил бы в следующий раз эксперименты с волосами и цветом.

— Эта стрижка тебе совершенно не идет, — говорю я вслух.

Ну, я никогда не умел молчать. Если мне что-то не нравится, то я говорю прямо и грубо. Мне не раз за это прилетало кулаком в лицо, но мне повезло, что я крупнее и сильнее других, поэтому за удар в нос я мог сломать руку.

— И рыжий тебе не идет, — перевожу взгляд на светофор. Я чувствую на себе удивленный взор Леры, которая пыта-

ется сейчас подобрать слова для того, чтобы ответить мне.

Я жду возмущений, но она молча отворачивается от меня, раскусывает карамельку и прячет фантик обратно в карман сумки.

Я разочарован. Я ждал агрессии, обиды или даже слез, но не молчания.

Двадцать минут до дома, который раньше был и моим уютным гнездом, Лера так и молчит. Я злюсь. Меня опять начинает переклинивать.

Также молча она выныривает из салона и не прощается. Меня это бесит. Она исчезает за калиткой, и я перевожу взгляд на свидетельство о расторжении брака на приборной панели.

Лера его забыла.

Вернется? Постукиваю пальцами по баранке руля в ожидании бывшей жены, но она не появляется.

— Да, мать твою, — глухо и в гневе выругиваюсь я, схватив свидетельство о расторжении брака с приборной панели.
— Покидаю салон, громко и несдержанно хлопнув дверью.
— Да она издевается!

Глава 29. Хищница

— Тебя можно поздравить с разводом? — ласково воркую в телефон.

Маша отвлекается от моих ног и замирает. Бесшумно откладывает пилку для пяток на столик и в любопытстве оттягивает маску для лица на подбородок, будто она слушает не ушами, а ртом.

В ее глазах вспыхивает живое любопытство.

Женщины очень любят подслушивать чужие разговоры, особенно если эти разговоры касаются мужиков.

— Да, — отвечает Яр. — Все, я официально свободен.

От его ответа у меня сердце чаще бьется.

Все. Теперь он только мой, и он больше не назовет малахольную дуру Леру женой. У меня во рта становится аж сладко, а по голове будто погладили как кошку.

Теперь он не будет говорить мне, что ему надо вернуться домой к жене. Что она ждет и что он, как муж, должен ночевать дома. Ведь такие у него принципы. Такие правила жизни, а мне приходилось с ними мириться, потому что жена всегда в приоритете у мужчины, даже если к ней давно нет любви.

Она — семья, но Лера больше не семья, а досадное недоразумение, которое теперь можно только пожалеть.

Хотя мне ее не жалко. Сама довела свой брак к тому, что

безумно любящий мужик перестал видеть в ней ту, которой хочется в теплом и уютном молчании уткнуться в шею и отключиться от реальности.

Этой женщиной стала я, и я не стыжусь.

Мир очень несправедлив, и глупым клушам пора это уяснить. Стабильных, успешных мужиков в нашей жизни катастрофически мало, и за них всегда шла борьба среди женщин. Тихая, незаметная, но жестокая и беспринципная, и те, кто решили расслабиться в браке, потерпят поражение.

И выть о том, что любовницы мрази и шлюхи, бессмысленно и непродуктивно. Мир такой. Он не прощает слабых людей, а любовницы лишь хотят счастья и борются за него. Кто запрещает женам бороться за мужей, м?

Моего мужа смерть забрала, но будь это женщина, то я бы не позволила моему мужчине вот так просто со мной развестись. Нет. Не было бы у меня никаких слез, соплей и причитаний, что я бедная и несчастная обманутая жена, но... я вдова, и я отпускаю эту боль.

У меня есть Яр.

Он — мой, и осознание этого меня заводит.

Мой.

Я вышла из тени, и Яр признал, что я — его женщина.

Это такой кайф.

— О, — мурлыкаю я, — тебя надо поздравить по-особенному, — томно выдыхаю в трубку, а внизу живота приятно тянет, — как думаешь?

— Готовь язычок для поздравлений.

В голосе Яра пробиваются те хриплые властные нотки, от которых мне всегда жарко.

Я никогда не пойму Леру, которая позволила такому мужику посмотреть на сторону. Да, именно позволила.

Это же какое у нее было самомнение, что она разрешила себя превратиться в жалкую квашню без интересов, целей и искры стервозности?

Когда я заглянула к ней, то поняла: об этой дуре точно не стоит переживать. Она даже из женской вредности не подумает спровоцировать Яра на глупость, чтобы щелкнуть меня по носу.

Нет.

Она типичная слабая обиженка, которая будет играть в жалкую гордость и истерику, а мне это на руку.

Сильные мужчины таких женщин презирают. Таких женщин все презирают. Даже родные дети.

— Да ты роковая женщина, — восхищенно смеется Маша, когда я откладываю телефон.

У меня немного щеки горят, и я медленно выдыхаю, чтобы вернуться в реальность из жарких фантазий о том, как я порадуя Ярослава в честь его развода. Закусываю губы.

— Да, — тянет Маша, глядя на меня с женской завистью, — ты настоящая хищница. Тигрица.

— Уж точно не овца, — шевелю пальцами на ногах перед лицом Маши, — я жду финальный массаж пяточек и побегу.

— А я помню, когда ты мне в первый раз сказала про него,
— Маша брызгает мне на пятки масло.

Я тоже помню.

У нас с Яром были действительно только деловые отношения. Он — босс со сложным характером, а я рулю финансами его компании и разговариваю с ним строго и по-деловому, но однажды... все изменилось.

Все изменилось после нашего зрительного контакта, который продлился больше обычного. На пару секунд.

Это было утро. Я опаздывала на работу, а в фойе бизнес-центра Ярослав давал указания помощнику, указывая на экран смартфона:

— К пяти часам найди именно эти чертовы тарелки. Ты меня понял?

Это он ради Лерочки старался. Ей захотелось в этот день сервировать семейный ужин новыми тарелками и, конечно же, с утра пораньше напрягла мужа.

Я поздоровалась в привычной мне сдержанной манере, и наши с Яром взгляды пересеклись. На пару секунд дольше обычного, и они все решили, потому что в это утро я забыла о том, что похоронила мужа.

Сердце отбило несколько быстрых и сильных ударов.

А Яр, раздраженный капризами Леры, увидел во мне не только финансового директора, но и женщину.

— Ты тогда так... была взволнована... — Маша мягко массирует мои ступни, — а то обычно молчала...

— Но я уже тогда знала, что он будет моим, — встряхиваю волосами и улыбаюсь, — что победа будет за мной.

Глава 30. Дура

Какая я дура!

Пока я пребываю в солнечных и весенних воспоминаниях, в которых я проживаю опять свой первый поцелуй с лимонной карамельной на языке, Яр опять унижает меня, что мне не идет стрижка и рыжий цвет волос.

И что я, вообще, старая уродина, которая зря хорохорится. Ведь именно это он подразумевал под тихими обвинениями.

Тошно от него.

И обидно до острой боли в сердце и в легких.

Я хотела ему тоже сказать что-то возмутительно и злое, но поняла, что раскрою рот и опять разрыдаюсь.

Да и какой толк будет от того, если я назову его уродом и козлом? Он презрительно хмыкнет, и я получу новую порцию оскорблений.

Вот она разница между мужчиной и женщиной.

Тетки витают в облаках, страдают о сладком прошлом, тоскуют по первым поцелуям и теплой слабости в теле, а мужики... мужики делают так больно, что хочется исчезнуть и больше ничего не чувствовать.

Разве можно говорить такие слова той, кого любил? Той, кто родила тебе детей? Той, кого обнимал ночами?

Мужики — бессердечные чудовища, и с теми, кого они

разлюбили, они поступают безжалостно. Убивают. Не физически, но морально.

Уничтожают, топчут тяжелыми грязными сапогами.

Когда Яр паркуется у ворот, я с ним не прощаюсь, потому что пискну ему “Всего хорошего, козлина” и вылечу из салона в слезах, а я больше не хочу показывать ему свою слабость.

Хватит.

Скрываюсь за калиткой, делаю передышку и торопливо шагаю по дорожке среди стриженных кустов к дому.

Меня начинает трясти.

Глаза щиплет от слез. Я кусаю кончик языка до боли, сдерживая в себе жалкие рыдания, и крепко сжимаю ручку сумочки.

Вот зачем я вспомнила об этой лимонной карамельке в кармашке? Если бы я не решила закинуть ее в рот, то и воспоминания меня не накрыли и слова Яра я восприняла иначе. Не было бы так обидно и тоскливо.

Я не расплачусь. Нет.

Я должна выиграть эту битву с самой собой, и тогда у меня будет шанс на будущее без горьких сожалений о прошлом.

Да и сколько можно плакать?

Я уже и так выплакала целое море слез, а они все не кончаются во мне.

Я ненавижу Яра.

Залетаю в дом, откидываю сумочку и сбрасываю туфли в

разные стороны. Мраморный пол неприятно холодит ноги, и от ступней поднимается волна озноба, который переходит предистеричную дрожь.

Я должна успокоиться.

Должна глубоко вдохнуть и выдохнуть, а после я отправлюсь на кухню и приготовлю себе что-нибудь вкусное. Что-нибудь такое сладкое-сладкое, чтобы зубы свело.

После этой гениальной мысли я вспоминаю, как в первый раз приготовила Яру штрудель с домашним мороженым и как этот молодой огр был изумлен моими кулинарными талантами.

— И мороженое сама приготовила? — с недоверчивым восхищением спросил он тогда.

— Да, — смущенно ответила я и протянула чайную ложечку, — сама. Вот такая я волшебница.

Я, правда, была для него тогда волшебницей, но за годы нашего брака он об этом забыл.

После штруделя Ярослав минут пять смотрел на меня пьяными влюбленными глазами, а затем признался:

— Все, я с концами пропал... — зрачки расширились, — моя сладкая ведьма...

Время не только лечит, но и вытягивает из наших чувств и эмоций яркие краски. Теперь Яра не удивить домашним ванильным мороженым или сочной курочкой с золотой корочкой.

Нет.

Теперь его удивляет Элла. Холодным умом и ловким язычком, а я стала противной истеричкой, которая задолбала его звонками, слезами, нытьем и просьбами.

Сзади раздается щелчок. Кто-то провернул ручку входной двери.

Кто же это? Кто?

Я вся каменею, почувствовав запах псины, крови и гнилья, через которую все же пробивается древесный парфюм.

Зачем Яр последовал за мной? Что ему от меня нужно? Обещал же оставить в покое!

Надо сменить коды на замках калитки, ворот и входной двери дома и обновить ключ-карты.

Пора уже этим заняться, а то наглый и жестокий огр так и будет врываться в мой дом без предупреждений и приглашений.

Я медленно разворачиваюсь к Яру, который делает ко мне шаг и поднимает за уголок двумя пальцами свидетельство о расторжении брака. Насмешливо вскидывает бровь:

— Ничего не забыла, Лера?

Черт. Совсем из головы вылетело. А не подумает ли сейчас Яр, что я специально оставила свидетельство о расторжении брака?

Я продолжаю молчать, ведь я боюсь, что опять сорвусь в жалкие и бессмысленные крики на Ярослава. Опять буду никчемной истеричкой, которая опять проиграет распрекрасной Элле с деловой хваткой.

Сидит эта гадина сейчас и ждет Яра. Зубы, наверное, почистила перед тем, как полировать его жезл.

Меня пробивает яростью к этой потаскухе, которая посмела учить меня жизни. Поджимаю губы, а Яр вскидывает бровь выше.

Заметил мою злость и ждет, когда я, униженная и оскорбленная, разревусь?

Я на грани.

Делаю быстрый решительный шаг вперед и вскидываю в его сторону руку, чтобы вырвать свидетельство о расторжении брака, но Ярослав перехватывает мое запястье и дергает меня к себе:

— Что это еще за игра в молчанку, Лера?

Глава 31. Отвлеки маму

Яра опять накрыла агрессия, и в этот раз его выбесило мое молчание. Сжимает запястье крепко и на грани хруста и боли. Он с легкостью может мне вывернуть или даже сломать руку.

Силы в нем много, а моя рука тонкая и хрупкая. Одно быстрое и ловкое движение, и он покалечит меня, но я в ярости Ярослава чувствую не опасность, а провокацию.

Его горячие пальцы плавают запястья, а злой темный взгляд гипнотизирует, вдохи и выдохи вторят моим.

Вспышка его гнева слишком интимная.

Слишком горячая и поэтому вместо страха меня обожгло неожиданное смущение, ведь та

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.